

НАТАЛЬЯ
МЕДВЕДСКАЯ

16+

Две стороны
ЖЕМЧУЖИНЫ

Наталья Медведская

Две стороны жемчужины

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Медведская Н. Б.

Две стороны жемчужины / Н. Б. Медведская — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

История о любви и дружбе, расцветших вопреки всем обстоятельствам. О девочке, росшей словно бурьян при дороге, не нужной ни родителям, ни братьям, но сумевшей сохранить чистую душу и благодарное сердце. Будучи нежеланным ребёнком, Арина рано познала одиночество, но оно научило её чутко прислушиваться к миру и находить радость в самой малости. Судьба отняла у неё близких, но подарила настоящую, преданную дружбу и самое окрыляющее на свете чувство: любовь.

© Медведская Н. Б., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Медведская

Две стороны жемчужины

Глава 1

Арина крепко сжимала в руке букет астр, она не позволила маме нести и полупустой ранец, ей хотелось выглядеть настоящей ученицей. От новой колючей кофточкой немного чесалась спина и руки, но Арина терпела, главное, она идёт в школу: всё лето только об этом и мечтала. Там у неё обязательно появится много друзей и больше не придётся одной играть на детской площадке во дворе. Она ощущала себя нарядной и красивой, не подозревая, что дешёвая юбка и кофточка из полиэстера на её тощей фигурке топорщатся и выглядят жалко, а букетик астр увял и подрастерял часть лепестков. Но в больших серых глазах на узком худом лице Арины светилась такая радость, что это заставляло встречных прохожих улыбаться и стыдливо отводить повлажневшие глаза. Она поторапливала мать, ей казалось: они опоздают, и праздник пройдёт без неё.

– Прекрати так мчаться. – Елена Назаровна, тяжело дыша, схватила Арину за руку. – Успеем. – Бледное лицо женщины усыпали мелкие капли пота, голубые глаза давно потускнели, выпвели, белки стали жёлтыми, а лицо покрыла сеть красных прожилок. Она облизнула сизые губы. – Не дала принять лекарство, мне б сейчас было лучше.

Арина замотала головой, капроновые банты на концах коротких тяжёлых кос зашуршали по ткани кофточкой. Удивительно, но девочка, похожая на голенастого недокормленного цыплёнка, обладала роскошными густыми волосами цвета тёмного шоколада. Собственно, косы и глаза являлись единственными украшениями этого нескладного ребёнка. Острый носик, рот в засохших болячках, розовый шрам на лбу, бесцветная кожа не красили Арину. Она совершенно не походила на милого ангелочка, какими обычно нам представляются девочки перво-классницы.

– Мамочка, тогда бы от тебя плохо пахло, потерпи немного, – умоляюще пролепетала Арина.

– Ничего бы не пахло, – пробурчала мать, голова у неё мучительно болела, глаза от слепящего солнца слезились. – Уже большая могла бы и сама пойти. Я с пяти утра вкалывала, мне отдохнуть надо.

Их обгоняли дети и взрослые, слышался смех и шутки. У Арины, так переполненной счастьем, настроение поднялось до небес. В школьном дворе играла музыка, здание украшенное плакатами и шарами, подмигивало ученикам ослепительно чистыми окнами, в которых отражалось пусть и осеннее, но ещё жгучее южное солнце.

– Вон твой класс, – мать подтолкнула Арину к учительнице, стоящей с табличкой первый «Б». – Дальше сама.

Арина оглянулась, но мать уже скрылась в толпе. Она робко осмотрелась – столько ярких красок не видела давно, разве что на Первое мая. Огромные букеты в руках малышек смотрелись трогательно и немного смешно. Арина бросила взгляд на свой простенький букетик и спрятала его за спину.

– Детки, подходим ко мне ближе, строимся, – скомандовала учительница.

Арина вспомнила, её зовут Римма Михайловна, она познакомилась с ней, когда приходила с мамой записываться в школу.

– Девочка, ты в «Б»? – обратилась к ней учительница.

Арина кивнула.

– Тогда становись сюда. Что это у тебя? – Римма Михайловна покосилась на увядшие понурые астры. – Саша, у тебя два букета. Поделись одним с ... – учительница замешкалась, она не помнила ни имени, ни фамилии девочки, которую определили в её класс буквально в последний момент, – этой девочкой.

Саша Фламер с радостью протянул Арине один из букетов, он бы и второй отдал. Ему изрядно надоело таскать тяжёлые герберы, упакованные в прозрачную бумагу.

Торжественная линейка для Арины прошла сплошным калейдоскопом из песен, веселья и насыщенных красок. Она ещё никогда не чувствовала себя более счастливой.

В классе дети сами расселись за парты, но Рима Михайловна стала пересаживать учеников.

– Я не буду сидеть с ней, – заявила прехорошенькая черноглазая девочка, косясь на Арину.

– Нина, что за капризы!? – возмутилась учительница.

Пышные белые банты, когда Нина повела головой, заколыхались на её макушке, будто паруса корабля под лёгким бризом.

– Мама запретила общаться с ней, чтобы я не набралась дурных манер.

Ребёнок явно повторял слова взрослого. Римма Михайловна на пару секунд растерялась, потом решив, не устраивать на первом же уроке разборки, посадила Арину к тихому, спокойному Серёже Волкову. Тот, несмотря на хищную фамилию, отличался флегматичностью и некоторой заторможенностью. Нина Садовская с победным видом устроилась рядом с подругой Мариной Вершининой. Арина облегчённо выдохнула, ей самой не хотелось сидеть с Ниной. Про небольшой конфликт в классе она сразу же забыла, её праздник продолжался.

Домой Арина отправилась одна. В небольшом курортном городке Анапа, известном на всю страну, имелось всего семь школ и пара-тройка гимназий, но мать из упрямства отдала её в эту, располагающуюся довольно далеко от дома, в пяти кварталах, не подумав, что встречать девочку некому. Чуть завистливым взглядом Арина проводила одноклассников, которых забирали родители. Мимо неё прошествовала Нина с матерью. Женщина бросила неодобрительный взгляд на неприятную для неё девочку – уголки губ дёрнулись в презрительной ухмылке. Арина опустила голову, она ненавидела эту женщину всей душой. Год назад исполнилась её мечта: на день рождения мама подарила «Сабрину». Эта кукла пылилась шесть месяцев в углу витрины крохотного магазинчика игрушек. Арина почти каждый день ходила смотреть на свою любимицу, боясь, что её купят. Заполучив Сабрину, девочка, переполненная счастьем, будто воздушный шарик воздухом, вынесла куклу во двор. На детской площадке, под грибком, сидели девочки. Арина знала их по именам, но они не принимали её в свои игры. Решив, что теперь уж с такой-то куклой обязательно примут, приблизилась к ним.

– Привет.

Девочки дружно подняли головы.

– Давайте вместе играть, – предложила Арина и великодушно протянула драгоценную куклу Нине. – Можешь поддержать.

Нина взяла куклу, с пренебрежением оглядела и наконец благосклонно кивнула.

– Мы собираем принцесс на бал, можешь нам помочь?

Арина взяла из коробки кукольное платье, покосилась на Сабрину, небрежно брошенную Ниной на скамейку.

– Эй! Сейчас же отойди от них, – закричала мать Нины, оторвавшись от разговора по телефону.

Арина недоумённо посмотрела на элегантную женщину. Её красивое ухоженное лицо покраснело от злости и негодования.

– Ты что, глухая? – женщина уставилась в растерянное лицо девочки. – Встала и ушла. И больше не смей к ним приближаться.

– Почему мне нельзя играть с ними? – пробормотала Арина. – Я вот куклу принесла.

– Пусть сначала родители хотя бы умоют тебя и вшей выведут, – зло бросила мать Нины. – Не хватало ещё подхватить от тебя заразу.

Губы Арины задрожали, она не могла тронуться с места.

– Чего застыла? Забирай свою дешёвку и уходи.

Но Арина не двигалась и стояла соляным столбом. Женщина схватила игрушку и швырнула на пешеходную дорожку. Она не собиралась навредить, тем более не желала нанести какого-либо урона кукле, но Сабрину сделали из дешёвого тонкого пластика. Упав на асфальт, голова и ноги куклы отскочили от туловища. Арина сорвалась с места. У её мечты вместо лица теперь была вмятина. Девочка собрала части Сабрины, прижала к себе.

– Ты б. . . , ты дура! – крикнула она обидчице, дрожа от злости.

Женщина не ожидала, что кукла расколется и уже хотела предложить девочке, поменять её недорогую игрушку на любую другую куклу дочери, их у Нины имелось предостаточно. Но услышав из уст маленькой замарашки грязное ругательство, возмутилась:

– Да как ты смеешь так разговаривать со мной!

Слёзы градом катились по щекам Арины, оставляя влажные дорожки, но она упрямо твердила:

– Ты дура, ты убила мою Сабрину.

Женщина повернулась к дочери и её подружке.

– Слышите, что она говорит? Видите, какая это невоспитанная девочка. Никогда больше не общайтесь с ней.

Арина, глотая слёзы, поплелась домой. В квартире родители и брат всю отмечали день её рождения. Все трое уже находились в той стадии подпития, когда ещё не ссорятся, но миролюбивый настрой уже исчез.

Арина показала сломанную куклу брату.

– Её можно починить?

Юрий осмотрел куски пластмассы.

– Нет. Только в мусорку. Быстро же ты с ней расправилась сестрёнка? – он погладил Арину по плечу и пьяно хихикнул: – В следующий раз выбирай подарок из железа.

Юрий хоть и был старше сестры на четырнадцать лет, понятия не имел, как обращаться с маленькими девочками. К Арине он относился с теплом, но иногда воспринимал её, как досадную приставучую помеху. Дома он появлялся редко, составлял компанию родителям нечасто, собственно, Юрий почти не пил, но сегодня ему захотелось расслабиться. Старший брат прислал письмо с просьбой о посылке, поэтому он решил стрясти с родителей немного денег, в конце концов они тоже обязаны помогать. Дмитрий уже пятый год отбывал срок за разбой и кражу, организованную группой лиц. Звучало это угрожающе, но на самом деле четверо молодых идиотов забрали небольшую выручку из трёх киосков, прихватив несколько коробок конфет, сигареты и вино. Самым старшим из весёлой четвёрки оказался Дмитрий, ему исполнилось восемнадцать, по глупости всю вину он взял на себя, а местные пинкертонеры довели его ещё парочку нераскрытых краж. Дмитрий уже бы вышел из тюрьмы, но когда оставалось лишь полгода до конца срока, зачем-то совершил побег, оказавшийся неудачным, и этим добавил себе ещё.

Николай Ильич с трудом сфокусировал взгляд на том, что недавно было куклой, поднял пустую бутылку, поболтал ею в воздухе.

– А я говорил, нечего тратить деньги на всякую дрянь. А ты заладила, – он покосился на жену, – Арина мечтает об этой игрушке. Довольна теперь! – Стукнув кулаком по столу, начал

себя распалать. – Она же не ценит, что для неё родители делают. Пашем с утра до ночи ради неблагодарной доченьки.

Мать пошатнулась, но уцепившись за стол, приподнялась и погрозила Арине пальцем.

– А он прав. Ты не ценишь добро. Больше ничего не проси, раз ломаешь.

Юрий усмехнулся: молчали б лучше, пашут они, копейки зарабатывают.

Арина на горьком опыте знала: оправдываться бессмысленно, можно лишь нарваться на оплеухи. Она нашла в прихожей коробку, сложила в неё кусочки куклы, укрыла новым носовым платком. Во дворе, отыскав укромное место, игрушечной лопаткой выкопала ямку и похоронила в ней свою Сабрину. Над маленьким холмиком установила крестик из палочек, перевязав их резинкой для волос. В палисаднике, за которым ухаживала бабушка Маша, и где Арина никогда раньше не рвала цветы, сломала жёлтый шар декоративного подсолнечника и украсила им могилку куклы. Она долго сидела над ней и плакала, пока не заболела голова, и не захотелось спать.

Сердце Арины сжалось при воспоминании о потере куклы. Она не понимала, что тогда оплакала вовсе не кусок пластмассы, а утраченную мечту и потерю капельки радости. Дома, как и ожидала девочка, семья отмечала её поступление в школу. К огромному облегчению Арины родители находились в радостной стадии расслабления. За короткую жизнь она, словно опытный зверёк, приспособилась к условиям существования, созданным в семье. Чётко знала, когда спрятаться и не попадаться на глаза, а когда безбоязненно бродить по квартире, подбирая со стола остатки пиршества. Вот сейчас папа находился в благодушном настроении, а мама ещё не начала плакать о своей загубленной жизни.

– О, дочь! – поприветствовал её родитель. – Смотри мать, какая красавица выросла. А всё мои гены, – Николай Ильич гордо приосанился, попытка выпятить впалую грудь выглядела довольно жалко. Он смахнул со лба сальные жидкие волосы, икнул. – Учись дочура на одни пятерки. Станешь бульгальтером, будешь папку в старости кормить.

Мать, Елена Назаровна, хмыкнула и поправила мужа.

– Бухгалтером.

Николай Ильич захихикал, серо-жёлтое лицо скривилось, стало похожим на печёное яблоко, в опухших серых глазах появились весёлые искорки.

– Это мы с тобой бух-бух-галтеры.

Елена Назаровна, поддерживая рукой отяжелевшую голову, согласно кивнула.

– Точно бух-бух. А кто виноват? – вдруг резко повысила она голос.

Арина, сразу узнав в этом вопросе вечный диалог матери с младшей сестрой, поторопилась рассказать о школе.

– Мамоchка, у нас очень красивый класс, много цветов. Меня посадили за одну парту с Сережей Волковым, на перемене он угостил меня шоколадкой, а ещё один мальчик отдал свой букет.

– Мальчики, мальчики, – злобно произнесла, будто выплюнула мать. – Слишком рано ты стала о них думать. Учиться надо, – наставительно добавила она, – а не об этих гадах мечтать. Посмотри, до чего довели меня мечты о мальчиках.

Арина сообразила, что немного неправильно истолковала стадию опьянения матери, поставив ранец на пол, схватила со стола кусок хлеба, пластинку варёной колбасы и стала быстро запихивать их в рот.

– Заткнись, Ленка! – Николай Ильич вяло махнул рукой с зажатым в ней стаканом. – Задолбала. Каждый раз одно и то же.

– Разве я не права? Вы, мужики, виноваты в том, что такой стала, – она всхлипнула: – А какой была красавицей, не то, что эта мымра Галька.

Тетя Галя приходилась младшей сестрой Елене Назаровне, и самым главным врагом в её жизни. Арина много раз слышала проклятия в адрес тётки, но в чём та провинилась перед

матерью, не понимала. А родители, даже будучи совершенно пьяными, так до конца и не рассказывали, что произошло, и почему насмерть поссорились сёстры. Две недели назад мать, взяв её с собой, отправилась к Галине с требованием помочь собрать в школу Арину. Она тогда впервые побывала в доме родственников и познакомилась с двоюродной сестрой Настей. Тётя Галя провела племянницу в комнату дочери.

– Настя, посиди с этой девочкой, пока мы побеседуем с её матерью.

Арина удивилась, что тётя не назвала её по имени, не сказала дочери, кто она. Осмотрев уютную красивую комнату, Арина вздохнула, ей хотелось бы такую же. У неё не имелось постоянного места для сна, если в общей с братом комнате допоздна засиживались его друзья, а родители были слишком пьяны и оставались в зале, она ночевала в их спальне. В общем, спала там, где находилось место.

– Я скоро в школу пойду, – похвасталась Настя.

Сестра была крупнее и выше Арины. Чёрные, будто угольки, глаза тонули в пухлых щеках, горящих румянцем. Она напоминала свежую булочку, покрытую гладкой корочкой.

– Я тоже, – Арина обрадовалась, что у неё с этой красивой девочкой нашлось что-то общее.

Из кухни послышались крики и ругань. Арина непроизвольно втянула голову в плечи. Настя насторожила уши.

– Мама сказала: вы нищebroды, и она не считает вас за родственников.

Арина не совсем поняла, что такое нищebroды, но отказ тётки от родства её расстроил. Она успела в мыслях помечтать о дружбе с Настей. Ей хотелось бывать в этом доме, пахнущем ванилью и апельсинами.

– А моя мама говорит: ты двоюродная сестра мне.

– Может быть, но мама не хочет, чтобы я с тобой дружила.

Арина вздохнула. Насте стало жалко эту худую, в застиранных футболке и шортах девочку.

– Хочешь, я подарю тебе книжку? Я её уже прочитала, – Настя достала с полки красочно иллюстрированные сказки Пушкина.

– Спасибо, – Арина, не веря своим глазам, прижала скользкую, глянцевую книжку к груди.

– Ты читать-то умеешь?

– Умею. Спасибо, Настя.

– Пошли отсюда, – в комнату зашла Елена Назаровна, покосилась на Настю. – Привет, племяншка, вырастешь, не будь такой стервой, как твоя мамашка.

– Ещё вопрос кто тут стерва, – процедила за её спиной ГАрину Назаровна. – Получила деньги. Идите с Богом.

– Пошли дочь. Ничего, выльются кошке мышкины слёзки, – Елена Назаровна схватила дочь за руку и поволокла прочь из комнаты.

– Я тебе водку в рот не заливала, – крикнула им вслед тётя Галя. – Не пила бы на пару с муженьком, жили бы нормально, как все люди. И не приходи больше, не дам денег. Забудь сюда дорогу. Нет у меня ни сестры, ни племянников.

– Да пошла ты, – Елена Назаровна плюнула на чистый пол, чем вызвала гневный вопль сестры. – Умирать буду, не попрошу. А ты ещё ответишь за свои грехи, не надейся на том свете отмазаться.

Елена Назаровна так сильно сжала пальцы Арины, что та едва терпела боль. Выскочив на улицу, поволокла дочь за собой.

– Сволочь недобитая!

– Мама, а почему тётя нас не любит? – робко поинтересовалась Арина.

Ей понравилось, как выглядит тётя Галя. Вся какая-то круглая и уютная. И стрижка у неё красивая: светлые волосы уложены в высокую причёску. А губы розовые, не синие, как у мамы. Даже кухонный передник нарядный, в ромашку, да ещё с кружевами. Правда, светло-голубые глаза за стёклами очков смотрели недобро, но к таким взглядам Арина уже привыкла.

– Это я её не люблю, – вспыхнула мать. – Больше скажу – ненавижу. Она мне жизнь угробила. Чувствует сволочь, чьё сало съела.

Арина представила, как тётя ест мамино сало и скривилась. Она терпеть не могла этот продукт: родители часто закусывали им спиртное. Сама бы отдала тёте сало, не пожалела бы.

– А почему? – хотела уточнить Арина, но мать её перебила.

– Хватит вопросов! Не твоё сопливое дело, чего мы не поделили. Она заявила: мы ей не родня. Вот и помни: у тебя кроме нас никого нет. Сейчас купим форму, пойдёшь в школу не хуже других.

В киоске Елена Назаровна приобрела лекарство: бутылочку пива. Подлечившись, в хорошем настроении принялась бродить по рынку, прицениваясь к вещам. Арина невольно сравнила мать и тётю, но кроме цвета глаз не нашла ничего общего. Мама рядом с тётёй Галей выглядела старухой, хотя была не намного старше.

– Завтра запишу тебя в ту же школу, в которую Галька определила Настю, – пробурчала Елена Назаровна. – Сделаю сестричке сюрприз. – Она потрепала дочь по голове. – А хочешь, тортик купим?

Арина радостно закивала: намечался настоящий праздник.

Арина проснулась от стрекотанья ворон на тополе за окном: солнце уже поднялось высоко. Она в ужасе отыскала глазами часы – девять. Как же так! Почему её не разбудили в школу? Вчера родители допоздна засиделись за столом, пели песни, пока рассерженные соседи не пригрозили вызвать полицию. Потом отец долго не мог уговориться, требовал, чтобы Арина внимательно выслушала его мнение о политике и президенте страны. До половины двенадцатого она, сонная и едва держащая голову от усталости, ждала, когда он наконец отпустит её спать. Мать, свесив с комковатой подушки тонкие руки в синих венах, булькая, храпела на диване.

Арина вскочила с кровати. В доме стояла тишина, родители, видимо, ушли, забыв её разбудить. В каком бы состоянии они ни находились, в шесть утра брели убирать свой участок. Дворником числилась лишь мать, отец ей помогал. Выполнив работу, они дружно отправлялись в магазин за очередной порцией горячительного. Арина надела колкую кофточку, мягкую юбку, захватила ранец и помчалась в школу. Она так волновалась, что её не пустят в класс, что вспотела от переживания.

Добравшись до своего класса, какое-то время постояла под дверью, потом робко просунула голову в щель.

– Римма Михайловна, можно войти?

Учительница обернулась.

– Входи. Потом объяснишь, почему опоздала?

Арина обрадовалась, что ей разрешено войти, бочком протиснулась к своему столу.

– Извините.

Не по-осеннему яркое солнце светило в большие окна класса, нагревая его до состояния парной, не помогали и распахнутые настежь форточки. Римма Михайловна обмахивалась журналом, ученики, сопя, писали в прописях палочки и загогулины. Все уже умели читать по слогам, а кое-кто довольно бойко писал, но учебный план предписывал тренировать руку, и они тренировали. Учительница помнила время, когда первоклассники приходили к ней, не зная

алфавита, но сейчас всё по-другому: изменили программу, втиснули новые предметы. Она, будучи приверженцем старой школы, считала нынешнюю торопливость в обучении пагубной, но кто станет слушать учителей, вышедших в тираж, хорошо хоть не выгоняют на пенсию по старости. Римма Михайловна прошлась по классу, мягко поправила Марину Вершинину.

– Не зажимай так крепко ручку, держи пальчики более расслабленно.

Она со вздохом подумала: учебный год на юге надо начинать в октябре, вон курортники до сих пор в море купаются. Откинула взмокшую чёлку со лба. Невыносимо! Хоть бы кондиционеры поставили. Взгляд упал на опоздавшую девочку, та свободной рукой яростно чесала спину, потом принялась за шею под толстыми косами.

– Э-э-э... – учительница, чертыхнувшись про себя, удивительно, но ей никак не удавалось запомнить имя и фамилию этой ученицы. Она заглянула в школьный журнал. – Арина Рудакова, подойди ко мне.

Арина кинула на неё встревоженный взгляд, провела ногтями по коже, горящей огнём, и приблизилась к преподавателю.

– Почему ты чешешься? – Римма Михайловна старалась говорить тише, но хорошо поставленный голос донёсся до самого дальнего уголка класса.

– У неё, наверно, вши, – предположила Нина. – Теперь она нас всех заразит.

Ученики прекратили писать и с любопытством уставились на Арину.

Учительница заметила: все открытые участки тела Рудаковой покрыты ярко-красными пятнами.

– Сидите тихо, как мыши. Я отведу Арину к медсестре, – она положила руку на плечо девочки. – Возьми свои вещи.

В кабинете медсестра оглядела голову Арины. Та насупилась и негромко сказала:

– У меня нет вшей, мама помыла мне голову керосином.

– Ну и варварство! – возмутилась медсестра, совсем молоденькая девушка, в прошлом году закончившая медицинское училище. На её стройной фигурке белый халат смотрелся идеально. Для солидности Варя носила очки без диоптрий и закалывала светлые волосы в плотную гульку. Но круглое гладкое лицо и весёлые карие глаза выдавали возраст. Она ещё хорошо помнила школу, здесь ей было неинтересно и скучно. – В аптеке полно препаратов от педикулёза. Римма Михайловна, голова у девочки чистая, вшей нет, – она подняла кофточку Арины. Взору Вари открылось худенькое тело, сплошь покрытое алыми пятнами. – У неё аллергия. Я не могу сказать на что. Нужно обратиться к специалисту. Может, даже на этот материал. Видите самое большое раздражение там, где кофточка прикасается к коже.

Медсестра вымыла руки и посмотрела на Арину с безразличностью и немного с жалостью. В глубине души она понимала, что несправедлива к ребёнку, но Варю отталкивала явная неухоженность и неопрятность девочки. Под наполовину обкусанными ногтями имелась траурная каёмка, от волос пахло пылью и почему-то мышами, отвращали и засохшие, чуть воспалённые болячки вокруг рта. Не придавал привлекательности Арине и настороженный взгляд, будто она каждый миг ожидала нападения или подвоха. Да и вообще смахивала на зверюшку, способную внезапно укусить. Варя не была злой или бесчувственной, просто в ней ещё не проснулся материнский инстинкт, пока большинство детей лишь раздражали.

Римма Михайловна глядя на ученицу, подумала: мы легко проявляем доброту и нежность к существам, выглядящим красиво и трогательно, будь то котёнок, щенок или ребёнок. Кто пройдёт мимо голодного симпатичного котика, сердце зайдётся от жалости, его либо накормят, либо заберут домой. Но как часто мы стыдливо пробегаем, замечая истощённое шелудивое животное. Боимся не того, что придётся его лечить и выхаживать, просто не хотим иметь дома некрасивое, уродливое создание. Всегда приятнее любить красоту. Отчего-то пригожим людям легко приписываем хороший характер, и моментально подозреваем в дурном нраве тех, кто выглядит неприглядно. Мы забываем, что и те, и другие чувствуют одинаково:

им так же больно, печально или радостно. Обладателя восхитительной внешности часто наделяем лучшими качествами души, будто красота – залог добродетели.

Римма Михайловна, чувствуя уколы совести, тем не менее, не могла подавить в себе некоторое отвращение к Арине. В конце концов это обязанность её родителей следить за здоровьем и чистотой девочки. А у неё своих проблем хватает, на попечении престарелый отец и великовозрастные дети, не желающие работать. К тому же соцзащита должна знать о неблагополучных семьях, а эта ученица явно из такой семьи, вот пусть каждый и занимается своим делом.

Варя дала Арине таблетку от аллергии. После того как та её выпила, тщательно вымыла стакан с моющим раствором.

– Девочку нужно отправить домой, – заявила медсестра Римме Михайловне и, покосившись на Арину, добавила: – А ты не надевай больше эти вещи, носи что-то другое. Так маме и скажи.

– Родители могут забрать тебя? – поинтересовалась учительница. – Одну отпускать не положено.

– Я хочу завтра придти в школу, – всхлипнула Арина, боясь, что теперь это не разрешат.

– Конечно, – успокоила девочку Римма Михайловна и неловко провела ладонью по её макушке. – Тебе же объяснили, эти вещи лучше снять и посетить врача, чтобы он назначил лекарство.

– Я всегда хожу домой одна, – заявила Арина.

– У тебя есть телефон?

Арина покачала головой.

Римма Михайловна задумалась.

– Мне нужно вернуться в класс, а вам, Варя, придётся найти провожатого для ученицы. Медсестра хотела возмутиться, но не стала спорить. Когда преподаватель ушла, она спросила Арину.

– Ты хоть адрес свой знаешь?

Получив утвердительный ответ, показала на дверь.

– Пошли что ли, горе луковое.

Арина редко ездила на маршрутке и теперь, довольная поездкой, поглядывала в окно на мелькающие дома.

– Выходим, – Варя подтолкнула девочку к выходу.

В палисаднике возле дома возилась бабушка Маша, заведя Арину, конвоируемую незнакомой девушкой, охнула.

– Что-то случилось?

– А вы кто? – не слишком вежливо отреагировала на её вопрос медсестра, чувствуя себя неловко рядом с этим ребёнком. Всю дорогу пока ехали, она одёргивала Арину, не позволяя расчёсывать воспалённую кожу.

– Я соседка Рудаковых. – Это не было правдой. Мария Алексеевна жила на первом этаже, а квартира Арины находилась на пятом.

– Не знаете, её родители дома?

Мария Алексеевна видела: Рудаковы десять минут назад, отягощённые бутылками с пивом, прошествовали мимо неё, но что-то ей подсказывало, говорить этого девушке не стоит.

– На работе. Оставляйте девочку со мной, я за ней присмотрю.

– Передайте её матери, у Арины аллергия. Я дала ей лекарство, но всё равно нужно отвести ребёнка к врачу, – Варя, обрадовавшись, что удалось быстро сбросить обузу, пошла к остановке маршрутного такси.

Бабушка Маша выбралась из палисадника, присела на скамейку.

– Рассказывай.

Арина опустилась рядом.

– Мне стало жарко и я начала чесаться, но сейчас прошло. Вот.

Мария Алексеевна посмотрела на шею девочки в бледно-розовых пятнах, приподняла кофточку.

– Уже лучше. Чешется, когда ты в ней?

– Ага, – всхлипнула Арина. – Тётя доктор сказала больше её не надевать, но у меня другой нет. Я что, теперь в школу не пойду?

Бабушка Маша улыбнулась.

– Глупенькая, мы сейчас что-нибудь придумаем, – она набрала номер лучшей подруги Полины. – Поль, помнишь, твоя дочка детские вещи хотела отдать. Она уже от них избавилась?

– Нет. У меня лежат. Устроили из моей квартиры склад, у себя прибираются, а ко мне всю ерунду стаскивают.

– Мы сейчас поднимемся к тебе.

Мария Алексеевна посмотрела на Арину, глаза у той горели любопытством. Удивительно, этот ребёнок с раннего детства, не видевший нормальной жизни, умел радоваться самой малости. Она помнила, как впервые обратила внимания на девочку.

Как-то от просмотра телепередачи её оторвал щенячий скулёрж, раздающийся с улицы.

– Вот заразы! Опять щенка подбросили.

Мария Алексеевна ухаживала за клумбой под окнами квартиры и вечно ссорилась с подростками, рвущими цветы, с мужиками, бросающими сигареты в розы, с неугомонной ребятнёй, попадающей мячом в хрупкие лилии. Сначала она никого не заметила, но потом пошла на звук и обнаружила за кустом жасмина девочку лет шести. Та сидела над маленьким холмиком и заливалась горькими слезами.

– Вот ещё! – вспыхнула Мария Алексеевна от злости. – Теперь и питомцев своих вздумали у меня на клумбе хоронить.

Девочка подняла на неё огромные несчастные глаза, выглядевшие сонными и усталыми.

– Тут самое красивое место. Моей Сабрине нравится, – пролепетал ребёнок голосом, осипшим от плача.

Мария Алексеевна узнала в девочке Арину. Дочка пьющих родителей обычно одна-одинёшенька, когда не ходила в садик, слонялась по детской площадке. Мамаши, озабоченные тем, чтобы эта малышка дурно не влияла на их чад, не позволяли ей к ним приближаться. Арину без присмотра отпускали во двор с трёх лет, обычно она ковырялась в песочнице, лепила куличи, что-то строила, или долго качалась на качели. Иногда во двор, окружённый четырьмя панельными пятиэтажками, приходили сердобольные бабушки, они разрешали девочке общаться с их внуками.

Дома заселялись разными организациями, люди не были знакомы – случалось так, что соседи по лестничной клетке не знали друг друга. Мария Алексеевна нередко видела непутёвых родителей этой неприкаянной девочки, их часто обсуждали на посиделках старушки. Все давно привыкли, что ребёнок бродит один, и перестали обращать на это внимание.

– Кто такая Сабрина? Котёнок? – сердце Марии Алексеевны дрогнуло, ей захотелось прижать девочку к себе.

– Не котёнок, моя кукла. У меня сегодня день рождения. Мама подарила Сабрину, а тётя бросила её на землю, и она умерла.

Мария Алексеевна недоумённо посмотрела на могилку с крестиком.

– Ты похоронила здесь куклу?

– Да. У неё оторвались ручки и ножки, – девочка пошатнулась.

Мария Алексеевна вздохнула и приказала себе не связываться с этим ребёнком: обычно такие дети привязчивые, потом от них не отделаешься. Да и где гарантия, что она не малолетняя воровка. Говорят: старший сын Рудаковых сидит в тюрьме, да и второй не лучше – отпетый

хулиган и бабник. Но руки уже тянулись к Арине. Мария Алексеевна легко подняла худенькое тельце девочки, от неё пахло несвежим бельём, застоявшейся вонью от спиртного и сигарет, от неё пахло – бедой.

– Твою куклу сломали, хочешь, я подарю тебе другую? У моей внучки их много, она отчего-то не играет с куклами.

Арина покачала головой.

– Больше не хочу кукол. Ничего не хочу.

В этом признании прозвучало столько боли, что душа Марии Алексеевны сочувственно потянулась к этой малышке. Удивило и то, как доверчиво она прижалась к ней, точно брошенный и забытый всеми котёнок.

– Ладно. Раз у тебя день рождения, нужно задуть торт со свечками. Хочешь? – Внутренний голос буквально требовал: не лезть в чужую жизнь! Но сердце шептало: никто не должен плакать в свой день рождения, особенно маленькие девочки.

Мария Алексеевна занесла Арину в квартиру.

– Раз у тебя праздник, ты должна выглядеть соответственно.

Налив в ванну тёплой воды, посадила гостью отмокать, а сама отыскала розовое нарядное платье внучки. Роксана, будучи выше и крупнее Арины, выросла из него, но рука не поднялась выбросить хорошую вещь, вот и пригодилась теперь. Вымыв Арину, Мария Алексеевна высушила ей волосы и заплела косы. У девочки оказались удивительно красивые, густые и шелковистые волосы, на порозовевших щеках появился лёгкий румянец. Платье оказалось немного великоватым, но Арина ощущала себя в нём принцессой. Потом они ели заказанную Марией Алексеевной пиццу, именинница задувала свечи на торте, привезённом посыльным. Девочка заснула прямо за столом с куском торта в руке. Мария Алексеевна перенесла малышку на диван, сняла платье, вытерла влажными салфетками лицо и руки, накрыла спящую одеялом. Подумав, что родители будут волноваться, решила подняться в квартиру Рудаковых. На звонок никто не вышел. Она толкнула дверь, та со скрипом распахнулась. Осторожно ступая в тёмное помещение, шторы на окнах оказались плотно задернутыми, вошла в зал. Какое-то время глаза привыкали к сумраку, потом вырисовался силуэт женщины, лежащей на диване, и мужчины, спящего за столом. Мария Алексеевна поняла: никто не думал об Арине, а тем более не волновался за неё. Закрыв дверь, она спустилась к себе. О дочери Рудаковы вспомнили утром, когда собирались на работу. Не обнаружив в квартире ни Арины, ни Юрия, решили, что она с братом. Мария Алексеевна, переживавшая всю ночь, поджидала Рудаковых во дворе.

– Здравствуйте. Не волнуйтесь, ваша девочка ночевала у меня.

Мать Арины вытаращила мутные покрасневшие глаза. Тряхнула короткими грязными волосами.

– А мы думали она с Юркой. Какого хрена у вас оказалась?

Мария Алексеевну охватил гнев, эти с позволения сказать родители, даже не удосужились узнать, где их дочь.

– За оставление малолетней без присмотра вообще-то полагается административное наказание, – пригрозила она.

– Ах ты, старая карга, – прошипел отец Арины. – Пугать вздумала! А ну показывай нашу дочь, может ты её уже на запчасти продала.

– Вы в своём уме? – оторопела Мария Алексеевна.

Лицо Елены Назаровны исказилось от злости, её мучила головная боль и тошнота, а тут ещё эта бывшая училка прицепилась.

– Показывай, Аринку. А то щас полицию вызовем.

С криками они ввалились в квартиру Марии Алексеевны, Арина проснулась от шума и недоумённо посмотрела на возбуждённых родителей.

– Мама, папа. Бабушка мне такое красивое платье подарила, а ещё я свечи на торте задувала, – поспешила она поделиться радостью.

– Платье? Ты чего родителей позоришь! Всякое тряпье принимаешь, – заорал на Арину отец и стукнул себя кулаком в грудь. – Я вкалываю, как проклятый, сам могу обеспечить тебя.

– Он прав, – поддержала мужа Елена Назаровна. – Мы никогда ничьи подачки не принимали и не примем. Где её вещи?

Мария Алексеевна уже сильно пожалела, что пригрозила полицией этим неадекватным людям. Теперь из-за неё будет страдать несчастная девочка. Так они распалились именно после её угрозы. Она попыталась сгладить ситуацию.

– Извините, если что-то не так сказала. У вас такая хорошая девочка, разрешите оставить это платье, я его подарила ей.

На лице Елены Назаровны появилось странное выражение мстительной удовлетворённости.

– Так-то лучше, а то корчите из себя невесть кого. Думаете вы лучше нас?

– Я так не думаю, – покривила душой Мария Алексеевна, желая этим двоим провалиться сквозь землю.

– Запомните раз и навсегда! – ехидно и с вызовом произнесла Елена Назаровна. – Рудавы подачек не принимают. Где её платье?

Мария Алексеевна молча наблюдала, как мамаша натягивает грязное платье, которое она принесла из ванной на Арину. Как швыряет подаренный наряд на пол.

– Mamочка, пожалуйста, можно я возьму платье, мне его бабушка дала.

– Она тебе не бабушка, а чужая тётка. Не смей ничего брать у чужих людей!

Мария Алексеевна, вспомнив этот эпизод годовой давности, решала, что сказать матери Арины. Ясно же ничего нового они покупать дочери не станут, но ходить в этой кофточке из-за аллергии она не сможет. Тогда после дня рождения Арина стала украдкой приходить к ней в гости. Мария Алексеевна всегда старалась угостить девочку чем-нибудь вкусным. Она убедилась, за невзрачной, на первый взгляд, внешностью скрывается терпеливый и неунывающий человек.

– Вытащила из пакетов все тряпки внуков, – встретила их на пороге квартиры Полина Ярославовна. – Выбирайте.

Арина вздохнула.

– Мама не разрешит.

– А кто ей донесёт, – фыркнула Мария Алексеевна. – Я придумала, как объяснить твоёй матушке. Скажешь: в школе выдали форму и обязали её носить.

– Бабушка, вы же сами говорили, врать нехорошо, – удивилась Арина, широко раскрывая глаза и хлопая пушистыми ресницами на манер заводной куклы.

Полина Ярославовна засмеялась и посмотрела на подругу, мол, ты у нас бывший педагог, тебе и объяснять. Вон девочка тебя бабушкой величает.

– Да, нехорошо, но иногда – просто необходимо. Есть такое понятие – святая ложь. Это когда делается не во вред, а во благо. Кому будет плохо, если ты оденешь эту красоту, – выкрутилась Мария Алексеевна, протягивая тонкую трикотажную кофточку Арине. – Примерь. Мы вынуждены лгать ради твоей пользы: здоровье важнее. Возьмём ещё юбку из натуральной ткани, и сарафанчик из хлопка.

– Не получается всегда говорить правду, – решила внести ясность Полина Ярославовна, боясь, что они окончательно запутали девочку. – Представь, я иду по улице. Навстречу мне бабушка Маша. Она спрашивает: как я сегодня выгляжу? А я отвечаю: как старая трухлявая бабка.

Арина подняла брови и возмущённо засопела.

– Так нельзя говорить.

Полина Ярославовна хмыкнула:

– Точнее, невежливо. Неприлично говорить человеку, что он плохо выглядит. Нехорошо его расстраивать. А ведь это тоже враньё. Главное, что тебе надо знать: ложь не должна навредить. Теперь понимаешь?

– Не очень, – пожала плечами Арина.

– Ты должна в этом ходить, чтобы не чесаться, – буркнула Мария Алексеевна. – И ничего страшного, если соврёшь матери. Она сама виновата, купила дрянную вещь.

Женщины отобрали ещё несколько кофточек, пару юбок, два тёмных свитерка, отыскалась даже лёгкая осенняя курточка.

– Я простирну и поглажу вещи, кое-что сразу тебе отдам, остальное пусть у меня полежит, – пояснила Мария Алексеевна Арине. – Надо торопиться, скоро твой папаша пойдёт за добавкой и может заметить тебя.

Арина вернулась домой точно в то время, когда положено приходить со школы. Она несла на плечиках выглаженную кофточку с юбкой, на её лице играла блаженная улыбка. Завтра она будет выглядеть красиво.

Глава 2

– Мам, может, всё же подумаешь о переезде к нам. Ты бы могла выращивать свои цветы на воле, а не на этом пыльном клочке земли возле дома.

Дочь уже не первый раз заговаривала об этом, приводила разные доводы. Мол, не молоденькая, уже под семьдесят – приличный возраст. Вдруг что случится, а рядом никого. Да и разве ей не одиноко. Инга, не окончив институт, вышла замуж за старшекурсника из станицы Елизаветинской. С двадцати двух лет стала жить под Краснодаром в частном доме. Один за другим родила детей: Роксану и Колю. Крупной ширококостной внучке в этом году исполнилось восемь, но выглядела она старше, Коля был на два года младше сестры. Первое время дочь с семьёй часто приезжала к матери на море, но последние три года делали это реже. Правда, внуки гостили у бабушки каждое лето.

– Извини, я привыкла одна. Да и все знакомые, подруги тут. Тяжело прижиться на новом месте. Если кто из внуков пожелает, пусть переезжает ко мне, – предложила Мария Алексеевна.

Инга покосилась на мать, скрывая раздражение. Она лелеяла надежду уговорить её на переезд, мечтала летом сдавать квартиру отдыхающим, а в остальное время пускать съёмщиков. Инга уже подсчитала доход, деньги бы им оченьгодились. Упрямство матери злило, разве родители не должны помогать детям, тем более единственной дочери? А мать даже в гости приезжала нечасто, а ведь они всегда хорошо её встречали. Для тещи Игорь жарил шашлыки в саду, открывал бутылочку собственного вина, бережно хранимого для торжественных случаев.

– Куда я отпущу детей от себя, – фыркнула Инга. – Роксана учится в Краснодаре в гимназии, сама знаешь в нашей станице образование хуже. Через год и Коля в школу пойдёт, нам твоя помощь была бы не лишней. Получается, лучший вариант тебе к нам перебраться.

«Вот упрямая, будто не слышит, гнёт свою линию», – с досадой подумала Мария Алексеевна. Дочь очень походила на отца умением подчинять людей ради своей выгоды и сердилась, что этот номер с матерью не проходил. Больше не проходил. А когда-то она глупая, надеялась, Богдан женится на ней. И действительно, считала его Богом данным счастьем. Они встретились случайно, молодая учительница и опытный обеспеченный мужчина Их пути пересеклись и параллельно шли целых двенадцать лет. Хорошо хоть дочь родила, пусть и поздновато в тридцать пять, но родила. Долго же она ходила с зашоренными глазами, веря в его байки о неподходящем времени для женитьбы, не понимая, он будет держать её в статусе любовницы, пока не надоест. Мария Алексеевна тряхнула головой: что это она полезла в далёкие воспоминания? Дочь растревожила память. Она напоминала Богдана не только внешне, но и характером. С годами делалась всё больше похожей на него, а ведь он даже не воспитывал Ингу, но видно кровушка не водица, никуда от неё не денешься.

– Инга, давай раз и навсегда решим, – твёрдо сказала Мария Алексеевна. – Когда умру, делай с этой квартирой, что хочешь, а пока дай спокойно дожить.

Инга вспыхнула, даже кожа на голове покраснела, а не только лицо и шея. Дожить! После микроинсульта мать может протянуть ещё лет двадцать, а деньги им нужны сейчас.

– А у нас тебе было бы беспокойно? Мама, ты хоть понимаешь, насколько эгоистична?

– Чем же? Не сдохла в шестьдесят пять? Выкарабкалась назло вам? – хмыкнула Мария Алексеевна.

– Что ты такое говоришь! Живи, кто тебе мешает, но мы для тебя уже комнату приготовили. Почему все старики считают, что надо перебираться к детям, когда слягут. Отчего не помочь пока при силах?

– У нас с тобой разговор слепого с глухим, – с досадой произнесла Мария Алексеевна. – Я хочу быть хозяйкой в собственной квартире. – Она срезала секатором три розы. – Поставлю на кухне. Инга, хватит спорить, пока не поссорились. Пойдём, угощу пирогом, к приезду твой любимый «Курник¹» испекла.

По асфальтированной дорожке вдоль дома медленно шла модно одетая дама, посматривая на подъезды. Увидев Ингу и Марию Алексеевну, прибавила шагу.

– Здравствуйте. Вы, случайно, не знаете, в какой квартире живут Рудаковы?

– Случайно, знаем, – насторожилась Мария Алексеевна. – Извините за вопрос, а зачем они вам?

Мария Алексеевна заметила, фамилия Рудаковых заставила вздрогнуть обычно невозмутимую дочь.

– Скажите, что они за люди? – полюбопытствовала дама.

Инга покосилась на неё. Скорее всего, незнакомке столько же лет, как и ей: чуть за тридцать, но она одета в два раза дороже и значительно стильнее. Ощувив лёгкую зависть к ухоженной платиновой блондинке, ответила с едва уловимой ехидцей.

– Пролетариат со всеми вытекающими последствиями. Пятый этаж, квартира восемьдесят четыре.

– Хотелось бы поговорить с ними, надеюсь, их ненормальная девочка на месте, – дама длинным ноготком, украшенном стразами, поправила чёлку.

Мария Алексеевна встревожилась:

– С Ариной что-то случилось?

– С ней нет, а вот мой сын чуть не погиб, – в глазах женщины зажглись злые огоньки. – Эта девчонка потащила его на Высокий берег показать тайный грот, и он едва не свалился с огромной высоты. Чудом обошлось только царапинами и ушибами. Не желаю, чтобы эта психопатка даже приближалась к Серёже. Пусть Рудаковы узнают, где их ребёнок проводит время.

– Хотите сказать, Арина с вашим сыном спускалась к морю в той стороне, – Мария Алексеевна показала на обрыв метрах в восьмистах от дома.

– Именно. Серёжа до знакомства с этой девочкой никогда туда не ходил и всегда меня слушался. А сейчас дерзит.

Мария Алексеевна попыталась успокоить женщину.

– Арина не хотела навредить вашему сыну, наоборот, она доверила ему свою тайну.

Инга с удивлением посмотрела на мать.

– Ты общаешься с Рудаковыми?

Дама перевесила сумочку на другое плечо, покачала головой.

– Мне всё равно, что она там хотела, моему сыну опасно с ней дружить.

Мария Алексеевна посмотрела, как дама, решительно открыв дверь подъезда, вошла в дом.

– Хорошо, что сейчас у матери Арины спокойный период, девочке меньше попадёт.

– А чего ты за неё волнуешься? – на лице Инги появилось странное выражение, беспокойства, досады и стыда.

– Я немного знаю Арину, ей и так достаётся.

Инга вспыхнула.

– Да ты за своих внуков так не переживаешь. Тётка права, сынишку надо держать подальше от этой семейки. От них одни беды. Димка был полный придурок, Юрка не лучше, думаю и от этой Арины ничего хорошего не стоит ожидать. Надеюсь, ты не разрешала Коле и Роксане играть с ней?

¹ Курник – пирог из сметанно-масляного теста, начинённый кусочками домашней курицы. Популярен на Кубани.

– А что если разрешала? Конец света наступил. Ты же не знаешь Арину.

– Зато хорошо знаю других из этой семейки, – вырвалось у Инги. Её лицо покрылось алыми пятнами.

Мария Алексеевна не понимала, что творится с дочерью, будто у неё в душе бушевала буря. Подозрения, которые она носила в себе, слухи и предположения сложились в общую картину

– Уж не ты ли та девушка, ради которой восемнадцатилетний идиот полез добывать в киоски деньги?

– Я его не заставляла воровать! – пробурчала Инга. – Он сам во всём виноват.

– Но ты старше его на четыре года и если хотела бы, остановила от рокового шага, – озарила догадка Марию Алексеевну. – Получается, это Дима купил тебе ту цепочку и кольцо, а вовсе не Игорь. Как ты могла так поступить с влюблённым мальчишкой! – Она будто впервые увидела дочь – красивое овальное лицо, контур полных губ подчёркнут карандашом, изящные брови, большие голубые глаза. Но их взгляд холоден и непреклонен. – Скажи, ты спокойно спишь ночами?

– Спокойно, – Инга гордо выпрямилась. – Во все времена мужчины сражались за женщин. За настоящих женщин. Я никогда бы не позволила водить себя за нос, как ты позволяла отцу. Думаешь, почему он на тебе не женился? Ты никто! Тряпка, об которую от вытирал ноги. Бегала к нему на тайные свидания чёртову кучу лет. Как собачка мчалась, стоило ему свистнуть. И что в результате? Осталась с ребёнком на руках. Но и потом повела себя глупо. Нет, чтобы взять с него деньги, показала: я гордая сама справлюсь. – Инга сделала шаг к матери, заглянула в её растерянные глаза. – Кому нужна такая гордость? Нам хватало денег лишь на еду и кое-какие вещи, а папаша в это время за границу ездил.

– Что ты говоришь? – тихо произнесла Мария Алексеевна. – Ты же ни в чём не нуждалась.

– Да неужели? Мне хотелось иметь стильные вещи, а не те тряпки, что мы покупали на базаре. Вспомни, сколько раз мы ходили в ресторан или на концерт? То-то. Раза три за все годы. В Анапе всегда кипела бурная жизнь, прямо праздник веселья, а я прозябала в этой квартире.

– Здесь курорт. Люди приезжают отдыхать, для этого они копят деньги целый год. О каком празднике веселья ты говоришь? – недоумённо поинтересовалась Мария Алексеевна.

– Я не хотела быть похожей на тебя, – отвела взгляд Инга. – За меня соперничали сразу двое мужчин, красиво ухаживали, дарили подарки. Это было лучшее время в моей жизни.

– А ты хоть задумывалась, где Дмитрий берёт деньги? – Мария Алексеевна вспомнила, о чём пять лет назад шептались во дворе. Всем хотелось знать, кто та девушка, от которой Дмитрий, потеряв голову, пошёл на преступление. – Как ты ухитрилась скрыть от всех отношения с Рудаковым?

– Я поставила ему условие никому не говорить, пока не сделаю выбор между ним и Игорем.

– То есть ты крутила обоими, сталкивала их лбами и принимала подарки. А они в это время сходили от ревности с ума.

– Иногда это бывало смешно. Страсти бурлили прямо, как в кино.

– Только это жизнь, а не кино, и для Дмитрия всё закончилось печально. – Мария Алексеевна опустила на скамейку.

– Димка мог отступить, – усмехнулась Инга. – Денег, что он зарабатывал на пляже, не хватало. Ему стоило признать поражение и ничего бы не случилось. Я не толкала его на кражу. – Несмотря на жёсткость слов в её глазах промелькнула боль и растерянность. Губы скривила горькая улыбка.

– Кого я воспитала? – понурила голову Мария Алексеевна. – Ты свела мальчишку с ума. Наигралась им вволю?

– Наигралась, – тихо сказала Инна и сжала дрожащие пальцы в кулаки. Глубоко вздохнула, собираясь с духом. – Не тебе меня судить. Я не стала, как ты, любовницей, вышла замуж за победителя.

– Очень заслуженная победа. Хоть бы постеснялась носить кольцо и цепочку, купленные на ворованные деньги.

Инга фыркнула:

– Это трофеи. И хватит меня упрекать. Всё давно прошло и забыто. – Разве она могла сказать матери, как сожалела обо всём. Сколько раз винила себя за глупость и безрассудство, из-за которых сломала жизнь глупому мальчишке. И подарки Дмитрия она носила вовсе не как трофеи, а как наказание.

Мария Алексеевна поднялась с лавочки.

– Пошли в дом, – от горечи на душе ей не хотелось больше разговаривать с дочерью.

– Да ладно, мам. Кто в юности не совершал ошибок. Я не понимала, что делала. Семейку Рудаковых ты немного знаешь. И без меня бы Димка пошёл по кривой дорожке. Разве папаша алкаш научил его чему-то хорошему? Не надо на меня лишнее валить.

Мария Алексеевна вынула пирог из духовки.

– Ешь сама, у меня нет аппетита.

Инга отрезала кусок Курника и, запивая горячим чаем, принялась есть. Мария Алексеевна лежала в зале на диване и не видела, что по лицу дочери бегут слезы, попадая на пирог и в сладкий чай.

Инга старалась не вспоминать Дмитрия, вычеркнула его из памяти, но в душе осталась горечь. Перед глазами встал Димка: высокий, стройный, похожий на итальянца, черноглазый и белозубый. Он ни на кого из своей семьи не походил, рядом с ним они выглядели так, будто присыпаны пылью. Разница в четыре года не мешала Димке преследовать её. Обычно она лишь отмахивалась от признаний парня, но в тот день Инга впервые встретила с отцом. Мать никогда не скрывала, кто её родитель, не выдумывала лётчиков и космонавтов. Ещё в детстве объяснила: я родила тебя от любимого человека, но, к сожалению, мы оказались не нужны ему, поэтому у тебя есть только я. Инга не собиралась видеться с человеком, ни разу не вспомнившим о дочери, не подарившем ни одного подарка. Но так случилось, попала на практику в санаторий, принадлежащий отцу. Столкнувшись с ним в холле, поняла: он знает, кто она такая. Отец принял равнодушный вид и прошёл мимо. Это задело Ингу настолько, что она бесцеремонно прошла в его кабинет и уселась перед ним в кресло.

– Что тебе нужно?

Ни смущения, ни беспокойства она не заметила на его холёном лице.

– Вот счёт. Перечислишь на мою карточку всю сумму, что задолжал за восемнадцать лет. Папочка, – быстро приняла решение Инга, понимая, что не будет никакого разговора, раскаяний или извинений.

Он холодно посмотрел на неё, усмехнулся, взял бумажку с номером счёта.

– А ты не похожа на мать. Хорошо, я перечислю. Надеюсь, больше ты меня не побеспокоишь.

Тягостное молчание длилось минут пять. Он без интереса рассматривал её, Инга ледела под его взглядом, ощущая себя букашкой. Наконец поднялась.

– Не побеспокою.

– Вот и ладно, – он занялся бумагами, больше не обращая на неё внимания.

Инга на деревенеющих ногах покинула кабинет. Никогда ещё она не чувствовала себя настолько никчёмной и незначительной. Во дворе столкнулась с давним поклонником Димкой. Он протянул ей букет гладиолусов. Инга не любила их: один-два цветка распустятся, остальные остаются в зачатках на длинном зелёном стебле.

– У меня есть два билета на концерт Киркорова. Пойдёшь?

– Дима, я не дешёвка какая-нибудь, у тебя на меня денег не хватит, – ухмыльнулась Инга.

– Хватит, я заработаю, – воодушевился Дмитрий, обрадованный, что любимая девушка наконец снизошла до беседы с ним. Тёмные глаза загорелись упрямством. – Пойдёшь со мной?

Так всё началось. После беседы с папашей Инга решила: никогда не позволю мужчине растоптать себя, как это произошло с матерью. Я всегда буду главной. Тем летом она чувствовала себя роковой женщиной, немного жалела, что один из поклонников слишком молод, игра стала бы ещё увлекательнее. Её не интересовало, где Дмитрий берёт деньги, каждый сам решает, как поступать.

– Вы к кому? – Елена Назаровна, открыв дверь на звонок, обнаружила на пороге незнакомую женщину.

– Если вы мать Арины, то к вам.

– Что она опять натворила?

Мать Арины мучилась от головной боли и желания выпить. К концу второй недели трезвости желание становилось просто невыносимым. Если муж пил ежедневно и понемногу, то она периодами. Спустя две недели употребления горячительного у неё начинал болеть желудок, отказываясь принять ещё хоть каплю. В трезвый промежуток времени Елена Назаровна наводила порядок в квартире, усерднее ходила на работу, бралась за воспитание дочери.

– Вы знаете, что Арина спускается к морю с Высокого берега? Вчера потащила туда моего сына, и он чуть не сорвался вниз.

Высокий голос гостьи вонзился в мозг Елены Назаровны.

– Но не сорвался же. Что вы от меня хотите?

Гостья обвела глазами комнату, губы дёрнулись в пренебрежительной усмешке. Чисто, но обстановка ужасающе скучная: продавленный диван, дешёвый пожелтевший тюль на окнах, круглый древний стол в пятнах ожогов от сигарет и горячих сковородок, на тумбочке с перекошенной дверцей ламповый телевизор.

– Вы не боитесь, что дочь упадёт?

– Она с трёх лет там лазает. Ничего с ней не сделается.

Гостья покачала головой.

– Тогда объясните своей девочке, чтобы не водила туда моего сына.

Елена Назаровна поморщилась.

– Сами объясните. Аринка, иди сюда. Быстро я сказала!

Арина в комнате, принадлежащей ей и брату, наклеивала ракушки на глиняный горшок. Услышав голос матери, побежала на зов.

– Тут кое-кто требует, чтобы ты не таскала её трусливого сына на Высокий берег, – наклонила голову Елена Назаровна, глядя на гостью с насмешкой.

– Что вы говорите, он не трусливый. Это вы безответственная, если отпускаете туда дочь! Что можно взять с девочки, когда у неё такая мать.

– Какая такая? Ты чего припёрлась сюда? Оскорблять?

Арина встала перед разъярённой матерью, та всегда вспыхивала быстрее, чем сухая трава от искры.

– Можешь не сомневаться, моя дочь больше не приблизится к маменькиному сынку.

Гостья, медленно отступая к выходу, кивнула:

– Я только рада этому.

Елена Назаровна, обогнув Арину, с силой захлопнула дверь за женщиной и повернулась к дочери.

– Я тебе говорила, не таскаться на Высокий берег! Какого чёрта ты меня не слушаешь?

– Я осторожно, по удобной тропе, – Арина тронула мать за руку. – Мамочка, не сердись. В висках Елены Назаровны пульсировала боль.

– Марш в свою комнату и не высывайся. На пацанов вечно жаловались, теперь на тебя. Как мне всё это надоело!

– Мамочка.

– Иди к себе и сиди там тихо, – она сняла с крючка в прихожей матерчатую сумку. – А мне нужно лекарство.

Арина, опустив голову, поплелась в комнату, из-за неё маме снова понадобилось лекарство. Ей хотелось плакать, опять несколько дней в доме не будет горячей еды, станет грязно, родители начнут кричать и ссориться. Целых десять дней она была счастлива, после уроков мама кормила её супом и спрашивала о школе. А вечером даже пару раз читала ей книжку. Папу, чтобы не раздражал, запирала в спальне. Брат принёс коробку цветного теста, и Арина слепила букет цветов, теперь он красовался на тумбочке возле маминой подушки. Она сказала: букет ей нравится.

Неприятности Арины не закончились и на следующий день. Перед началом занятий в класс вместе с Серёжей Волковым вошла его мама и потребовала от учительницы пересадить сына от Рудаковой.

– Хорошо хоть обошлось синяками, – закончила она рассказ. – Кто знает, что ещё она выкинет – лучше держаться от этой девочки подальше.

– Я пересажу, не волнуйтесь, – успокоила её Римма Михайловна.

Когда мама Серёжи ушла, учительница спросила:

– Может, кто-то хочет сесть за один стол с Рудаковой.

Арина переводила взгляд с одного одноклассника на другого, но они либо отворачивались, либо опускали глаза. «Неужели и в школе я буду одна», – запаниковала она.

– Я сяду с Ариной, – вызвался Саша Фламер. В ответ он получил от одноклассницы такой признательный взгляд, что смутился. Саша не мог вынести, потерянного вида Арины, она напомнила ему любимого пса Джойса, тот выглядел также, когда его оставляли в одиночестве.

– Вот и замечательно, поменяйся местами с Серёжей.

После занятий Саша решил и дальше опекать Арину. Этот весьма самостоятельный мальчик всегда отправлялся домой сам. Отец Саши работал хирургом в центральной городской больнице, мама медсестрой в приёмном покое, занятые родители многому научили сына.

– Хочешь, я провожу тебя домой, – предложил Саша.

Арина сначала обрадовалась, но потом, вспомнив сердитую маму Серёжи, решительно отказалась.

– Нет. Я далеко живу, тебя родители заругают.

Саша улыбнулся.

– Не заругают. Где ты живёшь?

Выяснилось, что им по пути три квартала, получалось, это Арина доведёт Сашу до дома. Дорогой они болтали о любимых мультфильмах, школе и друзьях.

– Мне Серёга рассказал, почему его мама не разрешает с тобой дружить. Ты, правда, показала ему грот на Высоком берегу.

Арина сердито засопела: вот гад Волков, и про грот разболтал.

– Показала своё тайное место, а Серёжа оказался предателем, всё родителям растрепал. И вовсе он не падал оттуда, так немного оцарапался. Я часто там бываю и ничего.

Глаза у Саши заблестели от любопытства. Ему нравились всякие секреты и тайны. Вдруг это бывшее убежище пиратов?

– Мы же теперь друзья, покажешь грот и мне?

Арина покосилась на круглое лицо одноклассника. Голубые глаза просительно смотрели на неё, а вихор на его макушке казалось, дрожал от предвкушения узнать что-то необыкновенное.

– Может быть. Позже, – произнесла она, отступая от одноклассника на пару шагов.

На перекрёстке они расстались, хоть Саша и уговаривал:

– Нужно пройти ещё полтора квартала, тогда будет одинаковое расстояние до наших домов.

Ещё на лестничной площадке Арина услышала из квартиры звуки ссоры – настроение сразу упало, у мамы снова начался лекарственный период, так она называла запой. Опять не будет горячей еды, папа начнёт до поздней ночи рассказывать о политике, она не сможет нормально учить уроки. Арина, стараясь не шуметь, тихо отворила дверь и пошла по стеночке. Ей почти удалось пробраться в свою комнату, когда на пороге остановил голос отца.

– Гляди, мать, будто мышь шуршит, а это наша дочь крадётся, явно что-то натворила.

Арина вздохнула, ей не повезло проскользнуть незамеченной.

– Ничего я не натворила.

– А мы щас узнаем. Давай сюда дневник, показывай тетради.

Арина покосилась на грязный стол. Отыскав газету, положила на неё тетради и дневник. Отец пальцем, вымазанным в кетчупе, открыл дневник и, пачкая страницы, ткнул.

– Что за фигня?

– Звёздочка.

– Какая ещё звёздочка, оценки где?

– Нам пока не ставят оценок в дневник, – пояснила Арина, сдерживая боязливую дрожь в голосе. Стоило отцу заметить её испуг или малейшее недовольство, он становился придиричивым и раздражённым. Тогда ей придётся долго выслушивать его нравоучения и упрёки.

Мать лениво полистала тетради, заметив среди четвёрок, тройку, усмехнулась.

– А тут ставят. Дочура в тебя пошла, ни одной пятёрки.

– Чё сразу в меня, – обиделся отец. – Я до пятого класса отличником был и красавцем.

Арина покосилась на его сморщенное лицо. Она видела фотографии родителей в молодости – мама действительно выглядела красавицей, брат Юра на неё очень похож. Надеюсь, что когда вырастет, будет такой же. Но папу и раньше нельзя было назвать симпатичным, а теперь тем более. Старшего брата Арина не помнила, он исчез, когда ей исполнилось два года. На семейных снимках он отличался от них всех, тёмный, черноволосый, с какими-то пронзительно-жгучими глазами на грустном лице.

Арина сделала попытку убрать тетради и дневник со стола.

– Не трожь. Я ещё не всё проверил, – отец, высоко задрав худую шею с остро торчащим кадыком, залпом выпил полную стопку водки. Крякнул, нацепив на вилку кусочек сала, закусил. – А тут у нас что? Запись какая-то. «Принести сто рублей на цветы». Какие ещё цветы? – повысил он голос.

– Учительница сказала: будем озеленять класс, – пробормотала Арина. – Но если дома есть красивый горшок с цветами, можно его принести.

– Мы что, миллионеры? Все без конца требуют денег. А пошли они... – отец скрутил увесистую фигу и помахал ею у лица дочери. – Вот им деньги. Обнаглели совсем.

Арина закусила губу и ойкнула от боли: почти засохшая болячка лопнула, на подбородок потекла кровь. Ей очень не хотелось выслушивать нудные разглагольствования отца. Теперь он долго будет ругать школьное начальство, затем перейдёт на своих руководителей, потом доберётся до депутатов и президента. Когда у мамы был спокойный период, сначала она предлагала отцу заткнуться, а если не помогало, заталкивала его в спальню и запирала на ключ. Немного побуянив, он ложился спать. Но сейчас мама поддакивала и во всём соглашалась с

ним. В животе Арины громко заурчало. Она оглядела стол – на тарелках лежало ненавистное ей сало, куски хлеба, крупно порезанные огурцы, помидоры и отварные яйца. Дождавшись, когда родители отвлекутся на поиск новой бутылки, Арина, сложив запятнанные жиром тетради и дневник в портфель, отправилась переодеваться. Бабушка Маша учила: форму надо вешать на плечики, а ещё обязательно умыться и мыть руки. Она уверяла, что грязненький никто не любит, с ними не хотят дружить, поэтому Арине нужно самой убирать свою комнату и купаться по вечерам. Теперь в плохой мамин период Арина относилась бабушке Маше свою одежду для стирки, соседка же помогала ей вымыть голову. Переодевшись в футболку и удобные трикотажные брюки, она вернулась к столу. Родители, согретые новой порцией спиртного, вспоминали своё детство. Она наизусть помнила все их истории, поэтому принялась быстро есть варёные яйца с помидорами, пока отец и мать не начали ссориться и не прогнали её. Угломонились родители в десятом часу вечера. Арина кое-как сделала уроки и, радуясь тишине, легла спать. Бабушка Маша подарила ей электронный будильник, теперь она не боялась проспать в школу. Утром Арина умывалась, чистила зубы, одевалась и спускалась к бабушке, чтобы та заплела ей косы. Мария Алексеевна настояла на этом, видя, что девочка сама не может привести голову в порядок. К приходу Арины она ставила на стол чай с оладьями или блинчиками, пока та завтракала, расчёсывала её густые волосы и плела косички.

– Бабушка, правда же, Серёжа предатель? Я больше не буду с ним разговаривать, – произнесла Арина с набитым ртом. Её не покидала обида на одноклассника, разболтавшего о секретном месте.

Мария Алексеевна задумалась: как бы понятнее объяснить ребёнку, что нельзя безоглядно доверять свои тайны.

– Когда ты отдаёшь другому человеку самое дорогое, что у тебя есть например: важную для тебя вещь или открываешь секрет, а он не оценил – это всецело твоя вина. Ты выбрала не того человека. Поэтому не надо обижаться. Ведь именно ты не смогла понять, кто перед тобой. И стоит ли делиться с таким человеком дарами твоей души? Спроси себя: так ли уж важно то, что ты с лёгкостью поведала первому встречному? Выходит, это лишь твоя ошибка. И хороший повод научиться понимать себя и других.

Арина проглотила блинчик и посмотрела на Марию Алексеевну. Из сказанного она лишь поняла: виновата сама и нельзя доверять кому попало.

– После школы зайди ко мне, ходим к врачу. Надо узнать, как вылечить болячки на губах. Пока дождёмся, чтобы твоя мамаша нашла время для похода в больницу, совсем без губ останешься.

Мария Алексеевна не могла больше смотреть на страдания девочки. Пока одна ранка подживала, появлялась следующая, доставляя Арине во время еды и даже при обычном разговоре мучительную боль. Она решила рискнуть и, представившись бабушкой, сводить Арину к доктору.

Всё получилось даже лучше, чем она задумала. В регистратуре попросили лишь её паспорт и свидетельство о рождении Арины. Ей поверили на слово, будто она родная бабушка.

– Я вру для твоей пользы, – объяснила она Арине, сердясь за то, что невольно учит девочку обманывать.

– Вот бы ты была по-настоящему моей бабушкой, – вздохнула Арина. – Ты самая замечательная бабушка на свете.

Мария Алексеевна растрогалась.

– Спасибо, малышка.

Осмотрев Арину, доктор выписала направление на анализы. На следующее утро им пришлось идти в лабораторию. После сдачи анализов Мария Алексеевна отвела девочку в школу.

Глава 3

– Рудакова, почему не выполнила задание? Что это за самостоятельность? – Римма Михайловна потрясла листочком Арины. – Требовалось сфотографировать строящийся дом, наклеить снимок и в двух-трёх предложениях описать увиденное. А у тебя тут лишь рисунок дома и пояснение.

– У нас нет фотоаппарата, – опустила голову Арина, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать. Она так старалась, зарисовывая дом на стройке. У неё не только подъёмный кран хорошо получился, но и строители неплохо вышли.

– Тогда бы на телефон сняла, – растерялась учительница. Она сама считала: те, кто составлял задания для первоклашек, совсем без головы. Лучше бы учили детей навыку рисунка. Но куда деваться? План урока – закон для преподавателя.

– А у неё и телефона нет. У них ничего нет. Моя мама говорит: Арина будет такой же хаба-хава-халалкой как и её мама, – ехидным голосом произнесла Нина, не сумев правильно произнести непонятное для неё слово.

Римма Михайловна глубоко вздохнула, сдерживая гнев. Когда-то за оскорбление она могла выгнать ученика из класса, поставить в угол, наорать в конце концов. Сейчас же её заставляли находить общий язык с детьми, применяя мягкие методы воспитания. Особенно требовалось быть внимательной к деткам, чьи родители являлись важными спонсорами школы. Как ни горько, но Римма Михайловна признавалась себе: она, преподаватель, не авторитет для детей, не по годам умная и развитая Нина Садовская ухитрилась завоевать и подчинить класс своему влиянию. Обаяние Нины действовало даже на неё, многоопытную учительницу, заставляя прощать высокомерие и недетскую жестокость девочки. Этот красивый ребёнок обладал харизмой и даром лидера.

– Нельзя обзывать других, – наставительным тоном произнесла Римма Михайловна. – Особенно девочку это не красит. Если семья Арины не может позволить себе иметь фотоаппарат и телефон, то это не повод грубить.

Нина скромно улыбнулась. Однако, она была ещё слишком мала и ещё не научилась прятать истинные чувства – на её личике появилось презрительно-упрямое выражение.

– Хорошо, Римма Михайловна.

Далеко пойдёт Садовская, если уж в восемь лет делит людей на своих и чужих, на тех кем, стоит общаться, и на тех, кого нужно игнорировать. Вот они, нынешние детки, выросшие при капитализме. Радуйтесь. Снова одни бары, другие слуги.

«И я слуга, – с грустью заключила учительница, вспомнив слова директора школы: – К детям спонсоров и важных чиновников относитесь строго, справедливо, но с повышенным вниманием». Будто она дура и не понимала, что такое повышенное внимание.

– Арина, садись на место. Снижу оценку на бал за отсутствие снимка, но и повышу на бал за хороший рисунок, – пошла учительница на компромисс, рисуя звёздочки в тетради девочки. Умники-профессора составили все учебники для первого класса с таким расчётом, чтобы родители принимали участие в выполнении уроков. По-современному пытались создать команду из семьи, но не подумали, что это выходило всем боком. Дети не учились самостоятельности, а родители, уставшие после работы, мучились со своими чадами до глубокой ночи над уроками.

Арину задержала учительница в классе. Саша в ожидании соседки по парте терпеливо гонял по асфальту пустую жестяную банку. В хорошую погоду они теперь вместе ходили домой.

– Эй, Фламер! – окликнула его Нина. – Ждёшь уродину Рудакову? Не хочешь поехать с нами на машине?

Саша поднял голову, ловко подбросил банку ногой и закинул её в урну.

– Арина не уродина.

– А кто же? У неё лицо как у кикиморы болотной, – хмыкнула Света Величко.

Эту беленькую розовощёкую девочку Нина Садовская и Марина Вершинина недавно приняли в свою группу, и теперь Света во всём старалась угодить Нине. Саша сердито посмотрел на одноклассниц и насупился.

– Сами вы кикиморы.

– Зачем ты с ней дружишь. Она же противная, – добавила Марина, заправляя за ухо прядь русых волос, открывая солнечным лучам яркий аквамарин в серёжке. Марина единственная из десяти одноклассниц носила короткую стрижку.

– Арина мой друг и вовсе не противная, и не уродина! – голосом звенящим от возмущения выкрикнул Саша. – Это вы дуры!

Нина подскочила к мальчику и стукнула его рюкзаком по голове.

– Вот тебе за дуру! Это ты, Фламер, дурак, раз дружишь с таким страшилищем, как Рудаква.

На помощь Нине бросились Марина и Света – стали щипать и тыкать в мальчика кулаками. Арина, вышедшая из школы, на минуту застыла в замешательстве от увиденного, а потом ринулась спасать Сашу. Ей не раз приходилось драться с мальчишками во дворе – она научилась быстро, без раздумывания наносить удары.

– Прекратите! Сейчас же! – Римма Михайловна с трудом оттащила Арину от Садовской. У обеих девочек расплелись косы, волосы торчали во все стороны. У Нины поперёк щеки тянулась большая царапина, у Арины рот походил на кровавую рану. Учительница поёжилась, представив какую боль испытывает девочка. – Кто затеял драку?

– Рудаква на нас напала, – всхлипнула Света Величко, размазывая слёзы по грязному лицу. Под её глазом уже расцветал фингал.

Нина и Марина удивлённо переглянулись. Саша возмутился:

– Неправда! Арина не нападала первая.

– Разберёмся, – Римма Михайловна подтолкнула девочек к скамейке. – Садитесь и рассказывайте. Нина вытри лицо, – она протянула девочке носовой платок. Школьницы не успели ответить на её вопрос, как на стоянку заехал автомобиль старшей Садовской.

– Что случилось? – выкрикнула она при виде ужасного вида Нины. Захлопнув дверку машины, ринулась к дочери.

Римма Михайловна досадливо поморщилась: вряд ли теперь получится узнать правду.

– Ниночка, Господи! Кто это с тобой сделал? – женщина встревоженно осмотрела дочь. При виде царапины на её гладкой розовой щеке вздрогнула. Заметив Арину, взвизгнула: – Твоя работа!? Дрянь! Как ты смеешь прикасаться своими грязными лапами к моей девочке. – Мать Нины повернулась к учительнице и, не давая отрыть той рот, зло бросила: – Если вы не остановите этот беспредел, который устраивает в школе эта девчонка, я пожалуюсь в отдел образования города, пусть они решают, куда отправить малолетнюю хулиганку.

– Может, сначала разберёмся в произошедшем? Узнаем, кто виноват, – попыталась остудить гнев старшей Садовской учительница.

– Нечего тут разбираться, моя Нина никого не может обидеть, она воспитанная девочка, в отличие от этой дворовой шпаны, – она ткнула пальцем в сторону Арины, сжавшейся в комочек от страха. – Завтра же поговорю с директором. Пока в Гороно надумают, куда отправить, пусть он переведёт её в другой класс.

Римма Михайловна вздохнула, глядя вслед удаляющимся Садовских.

– Так кто же затеял драку?

Подруги Нины и Саша наперебой пытались объяснить учительнице произошедшее. Арина молчала, прижав носовой платок к болячкам, набухшим кровью. Она улыбалась разби-

тыми губами: впервые её называли другом. Саша сказал это уверенно и твёрдо, не отступил, как обычно делали другие дети. Римма Михайловна заметила улыбку на лице возмутительницы спокойствия и нахмурилась: чему радуется девочка? Неужели она ошиблась в безобидности этого ребёнка? Что если Арина не так уж и проста? Часто ведь дети в неблагополучных семьях вырастают жестокими садистами и не только по отношению к другим, но и к себе. Некоторые специально играют роль жертвы. С подругами Нины всё понятно: оправдывали и себя, и её, так вопреки логике обычно и защищаются дети. Саша Фламер тоже пыхтел паровозом, горячился, рассказывая, как обидели Арину, а она лишь улыбалась.

– У девочки пищевая аллергия, но сказать на какие продукты не могу, – доктор, вклеила результаты анализов Арины в больничную карточку. – Нужно сдавать дополнительные анализы, делать тесты. Судя по виду девочки у неё сейчас обострение, а тесты необходимо делать в период затухания болезни. Вот список продуктов-аллергенов исключите их, а потом внимательно наблюдайте, может, и удастся обнаружить, на что у ребёнка аллергия?

Мария Алексеевна посмотрела на лекарства, выписанные врачом.

– Я заметила: сыпь у неё от соприкосновения кожи с синтетикой. Получается и болячки вокруг рта – это аллергия?

– Именно. Так она проявилась у этого ребёнка.

Мария Алексеевна выдохнула с облегчением: аллергия – плохо, но она боялась худшего.

– Ариша, больше никаких сосисок, копчёного сала, супов из пакетиков и чипсов. Ты меня поняла? Сейчас мы купим лекарство и будем лечить твой бедный рот.

Мария Алексеевна ахнула, узнав в аптеке стоимость лекарства, в голове промелькнула стыдная мысль: ведь знала же не стоит связываться с этой девочкой, она не настолько обеспечена, чтобы помогать безвозмездно. Зачем ей, пенсионерке, это нужно, пусть родители заботятся об Арине. Лицо загорелось от стыда. Мария Алексеевна прочитала аннотацию к таблеткам и мази, расстроилась ещё сильнее. Как она проследит за приёмом лекарств, а их необходимо принимать каждые четыре часа.

– Аринушка, я буду утром, после школы и вечером давать тебе таблетки, а на ночь ты примешь их сама. Не забудешь? Это очень важно. Ты же хочешь стать красивой?

Арина кивнула. Не говорить же доброй бабушке, что она ошибается: ей никогда не стать красивой. С раннего детства в свой адрес она слышала нелестные, лишь иногда сочувственные эпитеты. Но ради соседки готова пить эти таблетки.

– Пошли домой, – улыбнулась Мария Алексеевна, с грустью вспоминая момент слабости в аптеке. Она никогда бы не простила себя, бросив этого ребёнка, пришлось бы отвечать перед Богом. Как там говорится в «Маленьком принце» Экзюпери: мы в ответе за тех, кого приручили.

Мария Алексеевна в период запоя родителей Арины старалась накормить её завтраком и ужином. Взяла с неё честное слово не есть закуска со стола родителей, давала с собой пакетик кефира, если захочется перекусить перед сном. Понимая, что девочка слишком мала, решила научить её готовить суп, делать омлет и отваривать овощи. Мало ли что может случиться и, тогда, оставшись без её опеки, Арина пропадёт.

Мазь и таблетки сделали своё дело, через неделю болячки засохли, ещё через два дня коричневые корочки отпали, обнаружилась чистая розовая кожа вокруг рта. Оказалось, у Арины верхняя губа чуть вздёрнута, от этого выглядели краешки двух передних резцов, это выглядело забавно и немного капризно, нижняя, несколько более полная, походила на половинку луны. Правда, контуры губ из-за словно обожжённой кожи ещё смотрелись размытыми и неровными. Понадобится время, чтобы молодой организм полностью восстановил кожу, столько лет покрытую ранками. Главное, девочка перестала чесаться, из-за чего мно-

гие подозревали, что она ходит со вшами или болеет чесоткой. Как раз к выходу родителей Арины из запоя курс лечения закончился, теперь можно было не опасаться, что она пропустит приём таблеток. Две недели их трезвости Мария Алексеевна почти не видела девочку, непутёвая мамаша на время вспоминала о родительских обязанностях и принималась за воспитание дочери. Оно состояло в проверке тетрадей, дневника, в окриках и долгих нудных разговорах. Елена Назаровна, мучаясь от головных болей и последствиях алкогольной интоксикации, заставляла дочь убираться по дому, что Арина делала ещё неумело и медленно, раздражая этим вспыльчивую мать. Дней через пять-шесть Елена Назаровна приходила в себя, становилась ласковой к дочери, начинала готовить обеды, наводить порядок в запущенной квартире. Мужа, продолжавшего потихоньку пить, прогоняла с глаз долой в спальню. Перепады настроения матери сбивали Арину с толку, заставляя каждую минуту ждать подвоха. Она не знала, что сделает мать: погладит по голове, нервно прижмёт к себе, накричит, толкнёт в спину, влепит оплеуху. Арина инстинктивно вжимала голову в плечи, когда её подзывала к себе мать. Такое поведение дочери действовало на нервы несдержанной Елене Назаровне, заставляя чувствовать вину. За ощущением горькой вины перед Ариной, появлялась злость на весь мир, который, как считала она, несправедливо наказал её нелюбимым мужем, тяжёлой работой и неблагодарными детьми.

– Что ты гнёшься передо мной? – шипела Елена Назаровна, ощущая в боку жжение и тяжесть. – Подними голову, выпрямись. Ты прямо как твой папаша. Тот тоже башку повесит, спину согнёт и шаркает ногами по асфальту. Вот я всегда ходила гордо, несла себя по улице как королева. А ты будто ворюга или кошка подзаборная крадёшься. Выпрямись, я сказала!

Арина расправляла худенькие плечи, робко косилась на мать. Она не понимала, как вести себя с ней и мечтала удрать в свою комнату. Брат дома появлялся так редко, что их общую комнату она стала считать своей. И всё же в эти две недели трезвости, случались минуты счастья: мама пекла любимый сметанный торт Арины, перед сном читала книжку, рассказывала о своём детстве, проведённом на хуторе, когда-то стоящем на берегу Кубани, иногда по утрам будила дочь запахом блинчиков с ванилью. Каждый раз Арина мечтала: на этот раз всё будет по-другому, случится чудо, и мама больше не станет пить. Она старалась не замечать признаков надвигающегося запоя: мама становилась всё более раздражительной и сердитой, начинала кричать безо всякого повода, после работы лежала на продавленном диване, тупо глядя в телевизор. На плите больше не стоял свежий суп, не пахло ароматным компотом.

Желудок Арины, непривыкший к большому количеству пищи, довольствовался школьным обедом, поэтому ей хотелось что-нибудь съесть лишь часам к четырём пополудни. После уроков она договорилась сходить на дикий пляж с Сашей Фламером за ракушками, чтобы выполнить задание учительницы. Утром, когда она собиралась в школу, родители уже ушли на работу. На плите стоял остывший чайник, на столе тарелка с кусками хлеба и вялыми ломтиками сала. В мусорном ведре покоилась пара пустых бутылок пива. Арина вздохнула: чуда не случилось, мама всегда начинала с пива. Подставив табурет, она открыла газовый кран на трубе. Чиркнув спичкой, разожгла горелку. Бабушка Маша научила её включать плиту, готовить нехитрый завтрак, гладить школьную форму и каждый вечер стирать нижнее бельё. Вспоминая её наставления, Арина разбила в сковороду два яйца, посолив, помешала их деревянной лопаточкой. Поев яичницу с подсохшим хлебом, запила всё чаем.

Спустившись к квартире соседки, нажала на кнопку звонка.

Мария Алексеевна тяжело поднялась с кресла: после вчерашнего усердного копания в палисаднике опухли ноги, открыла дверь.

– Началось, – вздохнула она, увидев Арину, стоящую на пороге. – Проходи, сейчас приведу тебя в порядок, заплету косы и переглажу школьную форму. Ты завтракала?

Арина кивнула. Заплетая косы девочке, Мария Алексеевна ощутила исходящий от её волос запах сигарет и спиртного, видно родители гуляли допоздна и заставили дочь сидеть с

ними за столом. Она не выпалась, но утром всё же умылась кое-как, погладила одежду и даже приготовила себе завтрак. Мария Алексеевна сглотнула комок, застрявший в горле, сейчас не жалость нужна девочке, требовалось научить её выживанию.

– Так не пойдёт, – она решительно расплела косы. – Быстро снимай одежду и в душ. От тебя сильно воняет.

Глаза Арины наполнились слезами, она не ожидала такой грубости от бабушки.

– Я в школу опоздаю.

– Не опоздаешь. Пешком не пойдёшь, посажу на маршрутку.

Мария Алексеевна помогла вымыть Арине голову. Пока та купалась, разгладила складки на юбке и кофточке, побрызгав их кондиционером для одежды. Высушенные феном волосы, заплела в косу. – После школы ко мне на ужин, а потом ходим в одно место, нужно показать тебе кое-что.

– Что? – серые глаза Арины засветились от любопытства. После купания она почувствовала себя свежей, исчезла усталость и сонливость. Теперь от неё пахло цветами, да и вся одежда благоухала.

– Узнаешь. А теперь поторопимся на маршрутку.

Мария Алексеевна усадила Арину на сиденье у окна, заплатила шофёру за проезд.

– Будьте так добры, посадите девочку у второй школы.

Водитель, смуглый улыбчивый армянин, уверил её.

– Не волнуйтесь, бабушка, сделаем.

– Я вспомнила, – крикнула Арина, когда маршрутка тронулась. – После школы мне нужно собрать ракушки для поделки.

Мария Алексеевна махнула рукой, мол, потом расскажешь.

Учебный день прошёл без происшествий. Притихшая Нина Садовская со щекой, залепленной пластырем, лишь косилась на Арину, но не трогала.

– Зайдём ко мне, я переоденусь и мы отправимся на берег за ракушками, – предложил Саша, когда они вышли из школы.

– Идёт, – согласилась Арина, ей было любопытно взглянуть, как живёт новый друг.

Дом, в котором жил Саша с родителями, очень отличался от её дома. Во-первых, он оказался частным, во-вторых, имелся собственный двор с небольшим участком земли, в-третьих, за домом находился самый настоящий бассейн. А ещё была замечательная беседка, увитая диким виноградом, горка из камней с вершины которой падал миниатюрный водопад, и повсюду цвели розы. А ещё в будке, напоминающей маленький домик, жил замечательный пёс Джойс. Саша познакомил Арину с ним. Рыжий пёс тряхнул чёрными вислыми ушами и протянул лапу девочке. Она ахнула от восхищения, и осторожно пожав лапу, опустилась перед ним на корточки. Джойс тут же облизал щёки Арины, чем вызвал её радостный смех.

– Ты понравилась ему, – обрадовался Саша. – Он вообще-то не всех признаёт. Джойс хоть и старый, но ещё умный и сообразительный.

– Сколько ему лет по человеческим меркам? – поинтересовалась Арина, пытаясь понять по внешнему виду, как давно живёт у Фламеров этот симпатичный пёс. Выглядел он замечательно: рыжий мех лоснился, круглые карие глаза собаки смотрели на неё выразительно и с любопытством.

– Ему двенадцать лет – значит, семьдесят пять по человеческим меркам. Джойс из породы бордер-терьеров². Вообще-то он папин пёс. Папа подобрал его на улице за четыре года до моего рождения. Мама называет Джойса папиным приданым к свадьбе, – засмеялся Саша.

² Бордер-терьер. – к середине восемнадцатого века в окрестностях англо-шотланской границы была выведена порода собак бордер-терьер. Изначально с Шотланской территории собак называли кокердейл-терьер, англичане нарекли породу риверсдейл-терьер и только в 1920 году утвердили теперешнее единое название этой породы. Собаки отличаются выносливостью, уравновешенным характером, в домашнем содержании ласковые, игривые и надёжные.

Арина, разглядывая бодрого пса, удивилась:

– Он не похож на старичка.

– Ага. Но он уже не любит играть, больше в будке спит.

Арина погладила Джойса по короткой, плотной, немного жёсткой шёрстке. Пёс благодарно щурил глаза и пытался лизать ей руки. Пока она играла с собакой, Саша переоделся, вынёс из дому поднос с горячими бутербродами и двумя кружками какао, поставил его на стол в беседке.

– Иди сюда, – позвал он одноклассницу. – Руки можно вымыть под краном в саду.

Арина умылась, вымыла руки, вытерлась мягким махровым полотенцем, висящим возле крана.

– Как у вас красиво! – восхищённо произнесла она, усаживаясь на деревянную скамью.

– Поедим и пойдём, – Саша хозяйским жестом показал на поднос с едой, возле тарелок он положил салфетки, сделал всё, как его учила мама.

Арина всплеснула руками при виде бутербродов, похожих на мини-пиццу.

– Сам приготовил?

Саша заулыбался, глаза сразу стали узкими и утонули в румяных щёках.

– А что такого? На хлеб кладёшь ветчину, помидоры колёсиками, сыр и всё в микроволновку. Родителей часто дома нет, не буду же я сидеть голодным, – он почесал затылок. – Правда, мама не разрешает делать бутерброды. Говорит: они портят желудок. Заставляет греть суп или борщ. Но я их не люблю.

– Я тоже, – согласилась с ним Арина, откусив кусок плавленого сыра с помидором, запила его сладким какао. – Вкусно.

После трапезы в беседке Саша решил проводить Арину домой. Та всю дорогу раздумывала, как бы не пустить его к себе в квартиру. Не хотела, чтобы одноклассник увидел её родителей и, как теперь поняла, убогое место, в котором она обитала. К счастью, у подъезда на лавочке сидела Мария Алексеевна. Саша вежливо поздоровался с ней.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, молодой человек.

– Бабушка, мне нужно снять школьную форму, мы пойдём на берег собирать ракушки для поделки, – затараторила Арина.

Мария Алексеевна сразу сообразила.

– Молодой человек, присядьте со мной на скамеечку, Ариша быстро переоденется и спустится к нам.

– Да, Саша, посиди тут пока с бабушкой.

– Значит, вас молодой человек зовут Сашей, а я Мария Алексеевна, хорошая знакомая Арины.

Саша протянул мягкую ладошку.

– Саша Фламер друг Арины.

– Друг – это хорошо. Арине нужны друзья, – улыбнулась Мария Алексеевна, оглядывая крепенького, будто гриб боровичок, мальчика с ярко-голубыми глазами и красными, словно накрашенными губами.

– Арину не обижают в школе?

– Я не дам её в обиду, – заявил Саша, сжимая кулаки.

Глаза Марии Алексеевны потеплели, мальчик явно не из робкого десятка, Арине просто необходим такой защитник. Похоже, её воспитаннице наконец повезло.

Арина в шортах, футболке, кедах и маленьким рюкзачком на спине предстала перед ними через десять минут.

– Будьте осторожны, не лезьте в воду, – не удержалась Мария Алексеевна от напутствия, никак не могла привыкнуть, что девочка одна бродит по городу, без присмотра купается в море.

И хоть Арина плавала будто дельфин, каждый раз боялась за неё, беспокойно выглядывала в окно, пока безрассудный ребёнок не показывался во дворе.

С высокого берега дети спустились к морю по узкой, но оборудованной перилами тропинке. Сначала им попадались лишь острые и плоские, словно блинчики, ракушки, их очень удобно приклеивать на бумагу или другой материал, но они неинтересны для поделок. Хотя, как паруса для кораблика, вполне сгодились бы.

– Смотри, какую я нашёл, – похвастался Саша, протягивая большую раковину Рапана³.

– Здорово! Но моллюск внутри живой, долго обрабатывать ракушку придётся, иначе вонять будет, – со знанием дела заявила Арина. Как-то она притащила с десятков раковин домой и положила на подоконник сушиться. Потом долго не могла избавиться от запаха погибших моллюсков, он перебивал даже вонь отцовских сигарет и спиртного.

– Много набрали ракушек, надолго хватит, – решил Саша, сортируя добычу.

Арина отправила свою долю в рюкзак.

– Ты можешь показать мне своё секретное место? – с тайной надеждой поинтересовался Саша. – Я же теперь твой друг?

Арина задумалась, её останавливал печальный опыт с Серёжей Волковым и слова бабушки об умении держать язык за зубами.

– Я же твой друг? – повторил Саша настойчиво. Он ещё не понимал, почему так важен для него ответ Арины, но своим маленьким сердцем чувствовал, сейчас многое зависит от её решения.

Арина посмотрела на Сашу: обидится, если не покажет ему грот? Она бы обиделась, а ведь Саша, не задумываясь, бросился её защищать.

– Да, ты друг, и самый лучший. Я покажу. Только это очень высоко.

– Ничего. Я не боюсь высоты, – храбрился Саша.

Арина повела его по узкой полоске каменного пляжа до места подъёма. Напротив её тайного места обычно никто не купался, буквально в пяти метрах от скал плескалось море, и оно начиналось с глубины двух метров, резко обрываясь вниз. Здесь иногда плавали местные жители, но редко.

– Я полезу наверх, а ты смотри, куда ставлю ноги, кладу руки и повторяй за мной.

Саша поднял голову, каменная стена показалась ему отвесной, в душу закрался страх: вдруг он упадёт? Арина стала ловко взбираться на скалу. И он последовал за ней, боясь выглядеть трусом перед этой девочкой. Всё было не так уж и плохо, ноги ставились на удобные, едва заметные уступы, руки ложились на выемки, да и подъём казался не настолько крутым. Саша посмотрел вниз – сердце ухнуло. Как высоко! Ладони вспотели и заскользили. Арина, будто ощутив его состояние, повернула голову.

– Ты молодец, когда я сюда в первый раз лезла, думала, умру от страха. – Она смутилась, вспомнив, что чуть не описалась и ревела в три ручья, прося брата забрать её отсюда. – Ты вытри руки о футболку, у меня, например, они всегда мокрые.

Саша поочерёдно вытер ладошки, стало легче. Ещё немного, и он влез за Ариной в неглубокий грот. Здесь с удобством могли стоять лишь дети, взрослому пришлось бы согнуться. Каменная выемка представляла собой небольшую пещеру три на три метра и высотой в метр двадцать. Арина прошла на другой край пещеры и села на выступ, выдвинутый вперед.

– Подойди сюда. Не бойся, брат сказал: этот камень никогда не упадёт вниз, он огромный и лежит глубоко внутри скалы.

³ Рапана – род хищных брюхоногих моллюсков. Черноморская рапана некоторыми учёными выделена в отдельный вид *Rapana pontica*.

– Кто тут боится, – осипшим голосом произнёс Саша и осторожно ползком приблизился к Арине. Когда он опустился рядом, то обнаружил внизу ещё один выступ. Если бы он сорвался отсюда, то не упал бы дальше того выступа. – Действительно, не страшно.

– Посмотри, – Арина показала рукой на море.

Саша глянул вперёд и ахнул: создавалось впечатление, что они летят над морем, или плывут на корабле. Из-за выступа не виднелось спуска и берега, впереди лишь громада воды, сверкающей под лучами осеннего солнца. На море стоял штиль. Мелкие волны с этой высоты выглядели серебристыми чешуйками на серо-голубой глади. Он посмотрел на Арину, цвет глаз девочки сейчас полностью совпадал с цветом моря, а внутри её зрачков будто зажглись светлячки. Саша не понимал, отчего его сердце дрогнуло и забилось сильнее. Он не знал, что его душа потянулась к душе Арины, серебряные нити судеб соприкоснулись, и часть из них сплелась в единую нить.

– У меня тут кое-что есть, – Арина отправилась вглубь пещеры, развернула какой-то валик, упакованный в плёнку. На каменный пол лёг поролон, поверх него шерстяной плед. – Один раз я даже ночевала здесь.

– Правда? И тебе не было страшно ночью одной?

– Нет. Сюда же никто не заберётся. Про это место знает только мой брат, я, а теперь и ты. – Она запнулась. – И Волков тоже, но я еле затащила его сюда, сам он никогда не полезет. Волков – предатель, – добавила Арина сердито.

– А это что? – заинтересовался Саша, показывая на коробочку в углу.

– Мои драгоценности.

– Настоящие?

– Ага, – Арина подтащила коробку к свету, оказалось это резная деревянная шкатулка. Откинула крышку.

Саша с любопытством заглянул. В шкатулке лежали тусклые серёжки, пара ярких детских колечек, цветные стёклышки и что-то завернутое в носовой платок.

– Там настоящая жемчужина, – тихо сказала Арина. Развернув платочек, показала её Саше. – Я сама нашла её в раковине. – Дорогая, наверно.

Саша взял в руку бело-матовый шарик, с одной стороны жемчужинка была гладкой, ровной и отливала тусклым светом, с другой – шершавой и с крохотной вмятиной.

– Красивая, но только тут, – коснулся он гладкой стороны.

Арина улыбнулась.

– А я не обращаю внимания на другую сторону.

Глава 4

Мария Алексеевна почувствовала себя плохо на рассвете. Грудь будто придавило тяжёлым камнем, воздух едва-едва проникал в лёгкие, а голова наоборот стала как воздушный шарик, пустой и лёгкой. Она попробовала пошевелить правой рукой и не смогла, левая половина тела тоже не слушалась. Превозмогая слабость, с трудом села на кровати – комната качнулась, предметы мебели, стены, пол и потолок всё двигалось. Резко затошнило. Мария Алексеевна не удержала содержимое желудка и оно хлынуло на пол и на ночную рубашку. В голове появился звон, перед глазами замелькали чёрные точки, будто рой мелких мошек. Стискивая зубы, не давая вылиться очередному потоку рвоты, Мария Алексеевна опустилась на четвереньки и поползла в сторону ванной комнаты, но не успела добраться до порога, как её снова вывернуло. Ночная рубашка стала мокрой и ужасно пахла. Скользя в жидкости из слизи и желчи, Мария Алексеевна добралась до ванны, включила тёплую воду. Сидя на полу, стащила грязную рубашку, но сил забраться в ванну не было. Тяжело дыша, она прислонилась к холодному кафелю. Следующие позывы рвоты не застали её врасплох, она наклонялась над эмалированной чашкой, вытянутой из-за стиральной машинки. Вскоре дно чашки скрылось под тягучей зеленовато-жёлтой жидкостью. Вода, переливаясь через край ванны, потекла на Марию Семёновну. Она потянулась, закрыла кран.

«Я не хочу, чтобы нашли меня голую и в потоках рвоты», – промелькнула мысль в гудящей голове.

Из последних сил она подтянулась на руках и перевалилась в ванну. Вода залила пол, коврик и ночную рубашку. Мария Алексеевна с трудом выпрямила ноги и села в ванне. Сколько времени она провела в воде не знала, очнувшись от сильного озноба. Голова прояснилась, предметы и стены ещё плыли перед глазами, но круги и тёмные мошки испарились. Камень, лежащий на груди, исчез, дышалось свободнее и легче. Мария Алексеевна вынула пробку, позволяя холодной воде спуститься, поднялась на дрожащих ногах и ступила на пол. Закутавшись в банное полотенце, добралась до окна, распахнула форточку и только потом легла на диван, укрывшись махровой простынёй. Часа через два ей стало легче, она приняла лекарство, сумела даже навести порядок, убрала в ванной комнате, засунула в стирку выпачканное бельё. До прихода Арины из школы оставался час, Мария Алексеевна не хотела пугать девочку своим видом, поэтому нарядилась в халат с ярким рисунком, повязала праздничный фартук и стала готовить обед.

– Бабушка, я дома, – раздался звонкий голосок Арины от входной двери.

Дома. На сердце Марии Алексеевны потеплело, девочка, не осознавая, произнесла это слово. Этот ребёнок появился в её квартире, словно радуга на небе после ненастья. Пока родители Арины находились в алкогольном тумане, она много времени проводила у неё.

– Ой, отчего так холодно? – Арина поёжилась. Куртку она сняла ещё в прихожей.

С утра накрапывал дождь, температура на улице опустилась до пятнадцати градусов. Воздух, насыщенный влагой, через открытую форточку проник в квартиру и выхолодил комнаты.

– Проветривала и забыла закрыть окно, – всплеснула руками Мария Алексеевна. Оказывается, она не замечала холода. Потрогала свой лоб – горячий.

«Не хватало ещё заболеть, – усмехнулась она столь глупой мысли. – Разве не обострение болезни было несколько часов назад? Но не простуда, – рассердилось здравомыслящее существо внутри, – а теперь ты и её подхватила».

– Арина, марш в ванную мыть руки и к столу.

– Ой, мой любимый суп с галушками, – обрадовалась девочка, заглядывая в поставленную перед ней тарелку.

Мария Алексеевна положила на блюдце гренки, налила в кружку кисель.

– Ешь. Как дела в школе?

– Хорошо. Получила три звёздочки, одну по чтению, одну по математике и ещё по английскому. Вот, – похвалилась Арина и покосилась на Марию Алексеевну. – Бабушка, ты сегодня такая красивая. Но мне это совсем не нравится.

– Не нравится, что я красивая, – слабо улыбнулась Мария Алексеевна.

– Бабушка, лицо у тебя белое, как у снегурочки. Тебе плохо? Ты собралась умирать? Не надо! – губы Арины скривились, личико сморщилось, она горько заплакала, роняя крупные слёзы в суп.

Мария Алексеевна поразилась проникательности ребёнка, получается: нарядный вид её не обманул.

– Не умру. Пока, – на всякий случай добавила она. – Не умру. Мне ещё многому надо тебя научить.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Арина глотала суп вместе со слезами, отчего-то плохо дышалось. Так она чувствовала себя, когда папа толкнул её кулаком в грудь за то, что нечаянно опрокинула бутылку водки на столе. Тогда тоже было не вздохнуть, и не крикнуть, тело будто сжали в железных тисках. Ей не хотелось расстраивать бабушку, и она пропихнула в себя весь суп.

– Аринушка, допивай чай и сбегай к бабушке Поле, пусть придёт ко мне.

Полина Ярославовна, явившись на зов подруги, принялась её отчитывать.

– Снова забыла лекарства принять? Что за беспечность? Хочешь, чтобы insult повторился?

Мария Алексеевна покачала головой.

– Не шуми Поля, не пугай Арину, – она улыбнулась девочке. – Иди, солнышко, делай уроки, а мы с бабушкой Полей поговорим.

Арина нехотя подчинилась. Уселась в зале за круглый стол, разложила на клеёнке весёленькой расцветки свои тетради.

Мария Алексеевна закутала плечи в шерстяной платок и, немного смутившись, произнесла:

– Поля, займи до пенсии пару тысяч.

– На лекарство не хватило, – догадалась Полина Ярославовна. – Какого чёрта молчала? Сколько дней не пила препарат?

Мария Алексеевна утомлённо откинула голову на спинку дивана.

– Не шуми, всего два дня.

– Давай рецепт, сбегая в аптеку. Я понимаю, ты заботаешься об Арине, но и о себе подумай. Ты не миллионерша, а пенсионерка с мизерной пенсией. Почему ты должна кормить и лечить за свои деньги чужого ребёнка? Хорошо её родители устроились. Пьют, веселятся, в ус не дуют, им плевать на девочку, а ты должна последние гроши отдавать, чтобы купить еду для неё.

– Тише, Поля. Не дай Бог Аришка услышит. Чего ты про еду заговорила? Эта бедняжка ест, словно воробей. Какие там расходы. Ну да потратила деньги на лекарство для неё – на своё не хватило. Так это моя вина. Могла бы у тебя перехватить, но решила дотянуть до пенсии.

– Ладно, – махнула Полина Ярославовна. – Чего ещё в аптеке взять?

– Жаропонижающее. Кажется, я простудилась.

Мария Алексеевна пролежала в постели больше недели, выздоровела как раз к началу ноября. Арина старалась проводить её каждый день, веселила, рассказывая о школе и забавных случаях, происходящих с ней и друзьями. Удивительно, но эта малышка находила смешное в том, на что обычно не обращали внимания другие.

Арина, закончив делать уроки, сложила тетради и книги в рюкзак, уселась на диван к бабушке.

– Мы шли из школы по улице Гребенской и увидели: впереди нас тётенька катит коляску, такую красивую в горошек. Я заспорила с Сашей: кто в ней девочка или мальчик? А когда мы догнали тётеньку и посмотрели внутрь. – Арина залилась смехом. – Оказалось, там сидит рыжая собачка. Не мальчик или девочка. А собачка. В курточке и бантиком на голове. Странно, правда? Разве собачки не умеют бегать? Зачем их катать в коляске?

Мария Алексеевна фыркнула.

– Некоторые неумные личности держат собак вместо детей и относятся к ним лучше, чем к людям. В их дурную голову не приходит, что животному от такого обращения только хуже. Той собачке бегать надо, а не барыней в коляске разъезжать.

Арина согласно кивнула.

– Саша тоже сказал, что животному надо двигаться, иначе у него лапки отпадут. Родители у моего друга доктора, поэтому очень умные.

Мария Алексеевна услышала в голосе воспитанницы гордые нотки в слове друг и тихо порадовалась: Арише очень нужны друзья.

– А вчера мы видели, как один дядя заехал в лужу и окатил водой тётю на тротуаре. Она сильно кричала и грозила ему возмездием.

– Возмездием, – поправила Мария Алексеевна.

– Ага. И оно случилось. Только дядя вышел из машины и отправился в магазин, как в эту лужу заехал грузовик – дядю с головы до ног грязью забрызгало, – Арина хихикнула. – Дядя был такой нарядный в белом пижаке. Он так ругался, тётю ведьмой обзывал. Но метлы у неё точно не было.

– Пиджаке, – опять поправила Мария Алексеевна. – Значит, возмездие тут же настигло невоспитанного нахала.

На следующее утро Арина появилась у неё сонная, в кофточке с пятнами от жира, пахнущая застоявшимся воздухом спиртного и сигарет. Посмотрев на её лицо в грязных разводах, она быстро отправила девочку в ванную, а сама, застирав пятна, принялась сушить кофточку.

– Буду ждать тебя возле школы, после уроков. Я давно собиралась показать тебе кое-что, но заболела и пришлось это отложить. Нужно сходить в одно место, так что Саша пусть отправляется домой один, – сообщила она Арине.

– Куда мы пойдём?

– Узнаешь, – улыбнулась Мария Алексеевна, заплетая девочке косу.

Арина еле высидела уроки в предвкушении сюрприза. Бабушка ожидала её в сквере рядом со школой.

– Присядь. Съешь булочку с йогуртом, а потом отправимся, – предложила Мария Алексеевна.

Она смотрела, с каким аппетитом Арина уплетает булочку и улыбалась. Жаль, что внуки так редко приезжают к ней, она скучает по ним. Может, и правда, принять предложение дочери и переехать к ним, а то так и вырастут внуки от неё вдали. Но тут же вспомнила, как мучительно неловко находиться в доме зятя и отбросила эту мысль.

– Спасибо, бабушка, вкусно, – Арина на мгновение прижалась головой к плечу Марии Алексеевны.

Её растрогала эта ласка: девочка редко выражала чувства.

От школы они прошли меньше квартала к Белому дому⁴, пересекли площадь с фонтаном. Летом этот фонтан переливался цветными струями под различную музыку, сейчас стоял

⁴ Белым домом в Анапе называют здание администрации города, находящееся неподалеку от моря рядом с площадью и парком.

отключённым, лишь пожелтевшие листья плавали в чаше воды. Но клумбы всё ещё радовали буйством красок. В некоторые тёплые зимы цветы в Анапе высаживали даже в ноябре, поэтому клумбы редко пустовали. Возле церкви, построенной на берегу моря, сидел мужчина, прося подавание. Перед лохматым, крупного телосложения, но каким-то замызганным мужчиной лежала чёрная замасленная кепка.

– Вот тебе десять рублей. Отдай их попрошайке прямо в руки, – приказала Мария Алексеевна, вкладывая в ладошку Арины деньги.

Девочка посмотрела на загорелое и знакомо-одутловатое лицо мужчины, на его тёплую грязную куртку, замусоленные штаны, волосы, забывшие расчёску, и скривилась.

– Не хочу.

– У него нет денег, он просит подавание. Разве тебе его не жалко? Разве ты не хочешь помочь несчастному?

Арина вздохнула и, преодолевая отвращение, приблизилась к мужчине. От него ужасно пахло мочой, перегаром и давно немытым телом. Он поднял мутные глаза и безразлично уставился в лицо девочке. Она протянула к нему руку с зажатой в пальцах бумажкой. Мужчина, заметив деньги, подался вперёд, подставил сложенную ковшиком большую ладонь. Арина, стараясь не коснуться его руки, сунула в неё десять рублей. Попрошайка открыл рот, на девочку пахло тошнотворным запахом.

– Спасибо, – проскрежетал мужчина, ловко опуская десятку в карман куртки.

Арина быстро ретировалась от него к бабушке Маше. Они вошли в калитку и поднялись по ступенькам в храм. В этот будний день в храме было человек шесть не больше. Мария Алексеевна купила свечи, зажигая от лампадки, поставила их в паникадило⁵.

– И ты поставь за здоровье братьев и родителей, – Мария Алексеевна подала горящую свечку Арине, указав на пустое гнездышко для свечей.

Арину поразило убранство храма: сверкающие позолотой иконы, разрисованные высокие своды потолка, резные подсвечники. В дальней части храма стояли большие, будто сказочные ворота, ведущие в неизведанный мир, они сияли и искрились от бликов огня. Ей показалось, она попала в чудесное, таинственное место.

– Как красиво!

Мария Алексеевна поняла: девочка впервые в храме.

– Сюда приходят помолиться, унять боль на душе, поставить свечи за здоровье живых и за упокоение мёртвых. Это дом Бога.

– Красивый. Он что здесь живёт?

Мария Алексеевна смутилась. Как же объяснить ребёнку?

– Это как бы его дом. Здесь обращаются с просьбами, раскаиваются в грехах. Бог – творён во всём, он высшее существо, мировой разум. Он всемогущий и всезнающий.

Арина наморщила лоб.

– Всёзнающий. Тогда какая разница, где его просить? Он ведь и так всё знает?

Мария Алексеевна засмеялась: вот же зараза мелкая, в точку попала.

– Верно. Когда тебе тяжело, можешь, обращаться к нему везде, не только здесь.

Выйдя из храма, Мария Алексеевна подвела Арину к аккуратной старушке в белом платочке.

– Подай бабушке.

Арина бросила взгляд на пожилую женщину с грустным лицом. Худенькая старушка в чистом, хорошо отглаженном платье, светлой курточке, с милой улыбкой посмотрела на неё.

⁵ Кандила – стоящие перед иконами в православном храме большие подсвечники. Если на подсвечнике находится от семи до двенадцати свечей, он называется поликандилом, если их более – паникадилом. Часто находящаяся посреди поликандила большая свеча делается не из воска, а из фарфора или металла (внутри пустая), и лишь сверху её, внутри, помещается металлическая или стеклянная лампадка с горящим в ней оливковым маслом.

– Это вам, – девочка подала деньги нищенке.

– Спасибо, отроковица. Дай Бог тебе здоровья.

Арина невольно поклонилась приветливой женщине и побежала к бабушке Маше. Они молча прошли к набережной, сели на скамеечку.

– Почему та бабушка просит даяние.

– Правильно говорить: подаяние. Разные бывают обстоятельства, – не стала уточнять Мария Алексеевна, собираясь с мыслями. Она хотела преподать девочке важный урок, такой, чтобы он запомнился ей на всю жизнь. – Неважно, почему та старушка нищенствует, это её личное дело, не касающееся нас.

– Но как же? – удивилась Арина. – Она просит деньги, потому что голодная и нечего есть?

– Может, быть, а может, нет. Старушка вполне возможно так зарабатывает на жизнь. Скажи, какому из попрошаек, ты спокойно отдала деньги?

– Дядя неприятный – мне хотелось убежать от него. А бабушку жалко, она добрая, ей надо помочь, – горячо ответила Арина.

– А знаешь почему? Мужчина грязный и неприятный, а старушка чистенькая и опрятная. Её вид радует глаз, ей сразу сочувствуешь. Аринушка, запомни, что я скажу. Ты не всё сейчас поймёшь, просто запомни. Если человек опускается, не следит за своим внешним видом, от него исходит вонь, он мерзок, то желания помочь не возникает. Даже сочувствия он не вызывает. Ведь все понимают: у нас мягкий климат, большее время года тепло, уж умыться и почистить зубы-то можно. В городе существуют пункты, куда люди приносят ненужную одежду. Значит, при желании этому человеку несложно привести себя в порядок: выкупаться, переодеться и выглядеть нормально. Но он не хочет, ему или лень, или всё равно. Он наплевал на себя, опустил до уровня удовлетворения животных инстинктов. Этот мужчина внешним видом унижает собственное достоинство, он его полностью растоптал, поэтому не заслуживает жалости и снисхождения. Сам выбрал такое существование, не борется и не сопротивляется обстоятельствам жизни, такому человеку не хочется помогать. Девочка моя, меня однажды не станет, я хочу, чтобы ты не сломалась и боролась до конца. Чтобы выжить, тебе нужно всегда быть как та старушка: милой, опрятной и ухоженной. Содержать в чистоте не только мысли, но и тело. Что ты добрая и хорошая с первой минуты не заметит никто, а вот на внешний вид сразу обратят внимание. Ты меня поняла?

Арина кивнула. К счастью, судьба наградила её хорошей памятью, она запомнила слова бабушки, хотя не призналась, что многое не поняла. Мария Алексеевна прижала девочку к себе.

– Не думай, что мир жесток и несправедлив. Просто у Бога на нас разные планы. Он преподносит нам уроки, не все мы можем понять сразу. Я знаю, ты бы хотела непьющих родителей, более доброго брата, но этого нет, и тебе нужно приспособиться к тому, что имеешь. Тебе надо выжить! Слышишь! Поверь мне, – Мария Алексеевна приподняла голову Арины и заглянула в дымчатые глаза девочки, – просто поверь, у тебя будет интересная жизнь, любовь и крепкая семья. Поэтому сохрани себя и не упади до его состояния, – она показала на опустившегося попрошайку. – Ради этой судьбы будь сильной. Начинай с малого. Перебарывай лень, слабость и усталость, всегда начинай утро с душа и чистки зубов. Не забывай об одежде. Ты не можешь изменить родителей – это тебе не под силу. Прими их такими, какие они есть и не злись. Меняй себя, свою комнату. Может, судьба решила испытать тебя и узнать: заслуживаешь ли ты драгоценного подарка? Пусть не повезло с родителями, но повезло с городом, в котором ты живёшь. Разве не здорово купаться в море, загорать, наслаждаться красивой природой. Это ведь немало? Лет через пять ты сможешь подрабатывать в кафе официанткой или горничной в санатории, перестанешь зависеть от семьи. Остальное в твоих руках. Но до этого надо выжить. Как сумею, я подготовлю тебя. Что ты поняла из сказанного мной?

– Я всегда должна быть чистой, – улыбнулась Арина.

– Уже неплохо, – хмыкнула Мария Алексеевна. – Просто помни этого бомжа-попрошайку.

Глава 5

– Главное, не торопись и спокойно делай стежок, за стежком. Не тяни так нитку, а то шов получится неровным, – Мария Алексеевна забрала носок у Арины и показала, как правильно его зашить. – Поняла?

Арина кивнула и, высунув кончик розового языка, принялась штопать дырку на втором носке.

Уже почти шесть месяцев Мария Алексеевна старательно учила девочку домашним делам. Понимала: Арина ещё слишком мала, ей трудно, но выхода не было, неизвестно, сколько времени им отмерено находиться рядом. Хотелось оставить этого ребёнка хоть немного подготовленным к самостоятельной жизни. В последнее время девочка появлялась с синяками. В самый первый раз, заметив у Арины ссадину на лбу, Мария Алексеевна не придала большого значения: мало где подвижный ребёнок мог удариться лбом. Но затем она увидела уже пожелтевшее пятно на плече, ещё одно совсем свежее на руке.

– Что это такое? Тебя кто-то обижает?

Арина смутилась, опустила голову. Мария Алексеевна похолодела, ужасаясь догадке.

– Тебя бьют родители?

– Я сама виновата, – едва слышно произнесла девочка, слёзы потекли по щекам, закапали на пол.

Мария Алексеевна задохнулась от злости.

– И в чём же ты провинилась?

– Не нашла папины сигареты, разлила пиво, не пошла просить в долг у соседей, – перечислила она свои прегрешения.

– Только отец лупит или мать тоже руку прикладывает? – встревожилась Мария Алексеевна.

– Мама редко.

– Разве это нормально так поступать с ребёнком? Нужно социальную службу вызвать, пусть побеседуют с твоими родителями.

Арина испуганно вскрикнула, в глазах заплескался ужас, она бросилась к Марии Алексеевне, прижалась головой к её мягкому животу.

– Я не хочу в детдом. Пожалуйста, пожалуйста, не говори никому. Две тётки уже приходили к нам, они сказали, что заберут меня в интернат. Я не хочу туда ехать.

Мария Алексеевна погладила девочку по голове. Она чувствовала, как её худенькое тело дрожит от страха.

– Успокойся. Не скажу. Но нельзя всё так оставить, а если они серьёзно тебя покалечат?

– Я умею прятаться и быстро бегать. Знаешь, как ловко от папы уворачиваюсь? – хвастливо заявила Арина, поднимая мокрое лицо.

«Господи! Малышка этим гордится. Как же поступить? – размышляла Мария Алексеевна. – Разговаривать с её родителями бесполезно, я убедилась в этом не раз. Ни угрозы, ни увещевания не действовали. К тому же они явно хотели избавиться от Арины, как от обузы. Вот уж правда говорят: у алкоголиков атрофируется материнский инстинкт, пропадает стыд и совесть. Вообще нормальные чувства исчезают, остаётся лишь жажда к выпивке. Но ведь ещё полгода назад Арину не били, неужели родители так быстро начали опускаться?»

– Они так поступают только когда пьяные?

– Да. Но трезвым папа больше придирается.

– Вот чёрт!

– Ой, бабушка! Ты говорила чёрта нельзя поминать, – всплеснула руками Арина. Слёзы на щеках успели высохнуть, глаза заискрились от смеха.

– Извини. Но как же быть?

– Не хочу в детдом! Мама сказала: там всё делается по расписанию, а дети везде строем ходят. Получается, меня не будут одну пускать к морю? И гулять по городу тоже не позволят?

Мария Алексеевна вздохнула. Арина с раннего детства росла слишком свободной, вне всех правил. Для неё детдом действительно станет клеткой. Пару раз она наблюдала, как плачет воспитанница. Аж дух захватывает! Купальный сезон Арины иногда начинался в мае и заканчивался чуть ли не в ноябре. Она больше времени проводила на улице, чем в квартире. И ведь при недостатке питания редко болела. Выглядела хрупкой, но на самом деле была довольно вынослива.

– Хорошо, хорошо, успокойся. Но говори мне сразу, если тебя станут обижать сильнее. Арина с готовностью закивала.

Зима в Анапе плавно перетекла в весну. Снег выпал лишь раз в феврале, чуть побаловал ребятню, но даже не дал покататься на санках, так быстро растаял. Клумбы в городе оставались украшенными петуньей и виолой круглый год, приходилось лишь заменять отцветающие и потерявшие вид растения на новые. Мария Алексеевна испекла торт, приготовила свечи: Арине сегодня исполнялось восемь лет. Отпраздновать это событие они собирались вчетвером: две старушки, сама именинница и её лучший друг Саша. Родители девочки находились в очередном алкогольном затмении.

– А вот и мы, – крикнула Арина, распахивая дверь.

Мария Алексеевна поспешила навстречу детям. Арина держала букет ландышей в кружевной бумаге.

– Саша подарил, – похвалилась она, показывая цветы и коробку. – А это кроссовки.

– Я сам деньги на них собрал, – улыбнулся мальчишка. – Оказывается, Арина терпеть не может бесполезные подарки, особенно кукол не любит.

Мария Алексеевна вздохнула, она отлично знала, почему воспитанница терпеть не может кукол.

– Проходите к столу. Ой, нет. Сначала в ванную мыть руки, – поправилась она.

– Где тут наша именинница, – послышался голос из прихожей.

Полина Ярославовна вошла в комнату, неся в руках пакет и большую коробку пиццы. Улыбка сияла на её круглом морщинистом лице.

– Думаю, дети обожают пиццу, – она протянула пакет Арине. – Здесь джинсы и футболка, – бросила быстрый взгляд на радостное личико девочки. – Не благодари сильно, я купила задёшево, продавали с большой скидкой. Давайте, праздновать.

Мария Алексеевна положила пиццу на тарелки, налила в кружки компот, зажгла свечи, – Загадывай желание.

Арина, закрыв глаза, что-то быстро прошептала, потом с силой дунула на огоньки.

– Ты бы свитер сняла, – посоветовала Мария Алексеевна, глядя на её вспотевший лоб. Арина покачала головой.

– Она и в школе парилась в свитере, – хмыкнул Саша. Успев съесть два куска пиццы и выпив пару стаканов компота, он похлопал себя по животу. – Спасибо. Больше не влезет.

Мария Алексеевна покосилась на довольное лицо мальчишки. Она уже встречалась с ним, но каждый раз удивлялась его раскованности и умению общаться с взрослыми.

– Можно тебя на минуточку, – Мария Алексеевна взяла именинницу за руку и повела на кухню. – Сними.

- Бабушка, не надо, – прошептала Арина, оттягивая полу свитера вниз.
- Пожалуйста, сделай это.
- Арина, опусти руки.
- Я сама упала и ударилась.

Мария Алексеевна закатала рукава свитера и увидела широкие синие полосы на руках девочки.

- Упала, значит. Чем он тебя бил?
- Ремнём.
- Вот урод!
- Я не успела спрятаться, – тихо произнесла Арина. – Я спала, когда пришёл папа.
- Ладно, пойдём, гости ждут.

После чаепития с тортом Арина и Мария Алексеевна пошли провожать Сашу домой.

- Ты знаешь номер телефона брата?
- Нет, – ответила девочка и поскакала по тротуару на одной ножке. – У нас в классе у всех телефоны есть, только у меня нет.

- Как же найти твоего брата. Мне необходимо с ним переговорить.

На следующий день Мария Алексеевна вспомнила, что Юрий учился в одном классе с Олегом Маховым, угрюмым пареньком с соседнего подъезда. Кажется, они раньше даже дружили. Она дождалась во дворе возвращения Олега с работы.

- Здравствуй, Олег. У меня к тебе просьба.
- Здравствуйте, Мария Алексеевна. Чем смогу помочь.
- Мне необходим номер телефона Юры Рудакова. Хотелось бы пообщаться. Его младшей сестрёнке Арины требуется помощь брата.

Олег сморщил подвижное с низким лбом и широкими надбровными дугами лицо и почесал в затылке.

- С этим проблема. Дело в том, что я с Юркой не контакту с окончания школы. Наши дорожки давно разошлись, – он усмехнулся. – Рудак занялся специфическим делом, я же со своей внешностью туда не подхожу. В общем, давно с ним не общался.

Мария Алексеевна подняла брови, пытаясь понять, что же делает Юрий.

- Хотя бы попытайся найти его номер.
- Ладно. Попробую через нашу одноклассницу Алку, – он нахмурился, из-за чего его некрасивое лицо приобрело угрожающий вид. – Хотя... вряд ли он ей оставил новый номер. Когда что-то выясню, сообщу вам.
- Спасибо, Олег. Это очень важно.

Мария Алексеевна проводила взглядом сутулую крупную фигуру парня. Глядя на него, никто бы не подумал насколько он добрый человек и заботливый сын. В отношении Олега неказистая внешность совершенно не соответствовала его душевной красоте. Взять хотя бы Юрия – мальчишка с детства рос покорителем девичьих сердец. От природы он обладал замечательным телосложением, красивым лицом с серыми, как у сестры глазами, обаятельной полуулыбкой и бездной мужского шарма. За ним вечно бегали девчонки, а он ловко ими манипулировал. Именно девочки ему, а не он им покупали конфеты, дарили подарки и приглашали на свидания. За юным ловеласом наблюдал весь двор. За Юрой с юности тянулся шлейф из разбитых женских сердец. Старший брат Дмитрий был тоже внешне хорош, но совсем другой красотой, немного мрачной, разбойничьей. Может, поэтому никто не удивился, когда Дмитрий попал в тюрьму. Но теперь Мария Алексеевна знала, кто толкнул влюблённого парня на преступную дорожку. Уж Юрка точно бы не пошёл в тюрьму из-за девушки, в отличие от брата их у него было слишком много. Юрий после школы не стал поступать в институт или техникум как большинство анапских выпускников, а устроился барменом в ресторан. Он быстро приобрёл лоск и хорошие манеры. Его стали редко видеть во дворе, да и в квартире родителей он появ-

лялся нечасто. Юрий хорошо одевался и стильно выглядел. Он походил на принца, спустившегося в рабочий квартал для получения необычных впечатлений. Даже всезнающие подъездные бабушки не знали, чем занимается и где теперь работает Юрий. Олег отыскал номер бывшего одноклассника лишь через неделю.

– Вот, Мария Алексеевна, – протянул он бумажку с номером телефона. – Ух, и законспирировался Юрка, через трех человек удалось до него добраться. Вы даже не представляете, чем занимается Рудак, – в глубоко посаженных глазах Олега промелькнуло презрение вкупе с завистью. – Я не звонил ему, побеседуйте с ним сами.

– Спасибо, Олег. Не понимаю, почему он так безразличен к судьбе сестрёнки. Когда я видела Юрия в последний раз, он явно не бедствовал. Попробую его вразумить, пусть хоть немного подумает об Арине.

– Сомневаюсь, что у вас получится. Юрка всегда был большим эгоистом и любил только себя ненаглядного.

Мария Алексеевна пожала плечами. Мол, попытка не пытка. Она набрала номер, указанный на листочке бумаги.

– Здравствуйте, Юра. Я ваша соседка по подъезду.

– Здравствуйте, Мария Алексеевна, я сразу узнал вас по голосу. Как никак слышал его в школе много лет. Вы что-то хотели?

– Хотела. Я часто общаюсь с Ариной, и мне нужна ваша помощь.

– Мария Алексеевна, а почему выкаете? Я ведь ваш бывший ученик, давайте, как раньше, по-простому.

– Хорошо, Юра. Твои родители в последнее время, особенно отец, бьют Арину. Меня они не слушают, поговори с ними сам, пригрози или приструни их как-то. Она ведь ещё совсем ребёнок, к тому же девочка. Я не могу обратиться в соцзащиту: Арина панически боится, что родителей лишат родительских прав, а её заберут в детдом.

– Верно, она не выдержит там. Сестрёнка как вольный ветер не выносит правил и подчинения. Я поговорю с предками, но думаю, толку ноль. Мать не особо ко мне благоволит, она только в Димке души не чаяла. Он был её любимчиком, а мы с Ариной так, случайные дети.

– Юра, а ты не хочешь забрать Арину к себе?

Пару секунд из трубки доносилось лишь дыхание, потом довольно резко Юра произнёс:

– У меня нет ни возможности, ни времени приглядывать за сестрой. Да и не живу я долго на одном месте, а ей ведь надо в школу ходить. Я постараюсь урезонить родителей. У вас всё?

– Ещё одно. Арина растёт и ей требуются вещи...

– Я вас понял. Деньги привезу. Мария Алексеевна, спасибо, что помогаете моей сестрёнке. Я вам полностью доверяю, купите ей всё необходимое. Если ещё деньги понадобятся, звоните по этому номеру.

О чём беседовал Юра, как втолковал родителям не трогать Арину, но синяков на её теле поубавилось, хотя изредка они продолжали появляться. Иногда Мария Алексеевна ощущала себя беспомощной и бесполезной, она не имела никакого права забрать девочку от пьющих родителей. В моменты трезвости мать Арины относилась к ней как к настырной бабке, вмешивающейся не в своё дело. Она не позволяла дочери заходить к ней и даже разговаривать. Арина забегала украдкой, когда родители были на работе, чувствовала себя виноватой, без конца извинялась.

– Бабушка, я не предательница, просто мама сильно ругается.

Мария Алексеевна гладила девочку по голове, переплетала косы.

– Мне бы такое и в голову не пришло. Я бы радовалась, если бы твоя мама всегда была трезвой. В первую очередь ребёнку нужна мать.

– Но я так скучаю по вам, – простодушно признавалась Арина. – И почему мама злится...

– И я скучаю, но переживать за меня не стоит.

Очередное кратковременное просветление ума у Рудаковых быстро заканчивалось, и Арина снова появлялась на пороге квартиры соседки расстроенная и плохо выпавшаяся. Мария Алексеевна заметила: девочка всё более и более замыкается в себе, время от времени она становилась плаксивой и раздражительной, а затем холодной и отстраненной. Правда, перепады настроения через пару недель сходили на нет до следующего родительского запоя.

С начала лечения за полгода внешность Арины претерпела изменения: сыпь больше не беспокоила, с кожи исчезла шероховатость и шелушение, вокруг рта посветлели, потом окончательно исчезли тёмные пятна от болячек. Оказалось, у девочки весьма красивые чёткого очертания губы. Верхняя – чуть капризно приподнималась, слегка приоткрывая два аккуратных передних зуба, нижняя – более пухлая, изгибалась полумесяцем. Немного портила впечатление излишняя худоба, будто ребёнка не докармливали, что впрочем так и было. Мария Алексеевна подозревала: те десять-двенадцать дней, пока родители вели более-менее трезвый образ жизни, мать хоть и готовила, но, видимо, спустя рукава. Арина, будучи малоежкой, скорее всего еле впахивала в себя несъедобную стряпню родительницы.

Юрий сдержал обещание, раз в месяц передавал небольшую сумму для сестры, иногда покупал ей одежду сам. Глядя на него, Мария Алексеевна удивлялась. Откуда у мальчишки из неблагополучной семьи манеры завязанного денди. Как-то она не утерпела и поинтересовалась, чем он занимается. Юрий пристально посмотрел на бывшую учительницу – целая гамма чувств сменилась на его лице, от смущения и досады до упрямой решимости.

– В Экскорте. Проще говоря, помогаю богатым и одиноким дамочкам развлекаться, – покосившись на растерянное лицо Марии Алексеевны, добавил: – Без оказания интимных услуг. – Хмыкнул, заметив, что лицо пожилой женщины порозовело. – Но если самому захочется, бывает и с оказанием. Красотки тоже ведь попадают. – В глазах Юрия появилась незамеченная прежде жесткость. – Только вот не надо меня жалеть. И презрение ваше меня не затронет. Я хорошо выполняю свою работу.

Мария Алексеевна поправила волосы, отвела взгляд в сторону.

– И не собиралась презирать. Жалеть надо тех несчастных женщин, обманывающих себя и верящих в минутную сказку. Раз есть девушки для эскорта, то почему бы не быть мужчинам для поднятия настроения и придания уверенности дамам в себе.

Юрий звонко засмеялся. В вечернем воздухе его смех прозвучал заразительно, но резко.

– А вы удивили меня, дорогая учительница. Правда. Кстати, чаще всего я сопровождаю по клубам и казино именно девушек, а уж у них уверенности в себе выше крыши. Их папаши сами нанимают меня, зная, что с их драгоценными детками ничего не случится. У меня твёрдое правило – никаких отношений с подопечными.

– И как, всегда получается выполнять это правило? – фыркнула Мария Алексеевна. До чего же обаятельный плут стоял сейчас перед ней.

– Иногда приходится отбиваться от слишком настойчивых, – уголок губ Юрия, так похожих на Аринины, чуть дёрнулся. – Но я научился контролировать и обуздывать слабый пол, – сделал он ударение на слове слабый.

– Как долго собираешься этим заниматься?

– Пока не скоплю денег на собственный бар или кафе. Это моя мечта. Я часто в разъездах, поэтому нет времени на Арину. Я доверяю её вам. Вижу, хорошо к ней относитесь, малышке повезло с таким защитником, как вы. – В серых глазах промелькнула затаённая боль, уголки губ опустились. – Мне повезло меньше. Я удирал из дому со второго класса и целыми днями слонялся по улицам. После школы сразу ушёл из дому, сначала жил у друга в летней кухне, работал на пляже, продавая напитки и мороженое, потом официантом в кафе, барменом. Именно там мне одна дамочка предложила стать её спутником на время отпуска. Она заплатила так щедро, что хватило на оплату квартиры на целых восемь месяцев. Я впервые почувствовал себя независимым и свободным. При мне родители начали пить запойно, я удив-

ляюсь тому, что сестренка у таких алкоголиков получилась нормальной. Будто кто-то наверху пожалел нежеланного ребёнка. – Юрий провёл руками по лицу, будто стирал воспоминания. Он уже жалел, что разоткровенничался, поэтому хмуро буркнул: – Пойду я. Мария Алексеевна, звоните, если что-то понадобится.

Глава 6

– Ещё холодно, куда ты лезешь, – возмутился Саша, оттягивая Арину от воды.

Начало мая выдалось солнечным, впрочем, для Анапы это не было исключением, солнце в этом благословенном городе баловало жителей и отдыхающих почти триста дней в году. Воздух прогрелся до двадцати восьми градусов, но вода не отличалась теплотой – всего восемнадцать. Глядя на серо-синие волны, накатывающие на берег и вылизывающие пенными языками бледно-жёлтый песок, он поёжился. Он не испытывал никакого желания попасть в холодные объятия моря и не очень понимал, какое удовольствие может испытывать Арина от такого плавания. Однако её лицо выражало нетерпение и досаду, он смирился и отпустил её руку.

– Простынешь, потом не жалуйся.

Арина закрутила косу на макушке, сооружение из волос для надёжности закрепила шпильками.

– Это я-то заболею, кто из нас двоих вечно с соплями ходит, – подколола она друга и с разбега бросилась в воду.

Тело на пару секунд обдало холодом, кожу стало покалывать, но потом появилось уже знакомое ощущение, будто море вливает в неё силы, наполняя каждую клеточку тела здоровьем и счастливым восторгом. Арина, забыв о нежелании намочить волосы, нырнула и юркой рыбкой поплыла под водой. Море, ещё не замутнённое водорослями, поприветствовало её и приняло в свои прохладные объятия. Девочка вынырнула, помахала рукой другу, сидящему на берегу, перевернулась на спину, раскинув руки и ноги, закачалась на лёгких волнах морской звездой. Необъятная синь майского невыгоревшего неба куполом возвышалась над ней. Арина обожала так лежать на воде, появлялось ощущение, что парит в воздухе, все обиды и тревоги отступали, в душе воцарялся покой.

– Хватит уже. Выходи! Вон посинела вся, – крикнул Саша, ему надоело сидеть одному, он всегда слегка ревновал Арину к морю и её любви к воде. Находясь в этой солёной стихии, она забывала о нём, отчего-то становилась далёкой и загадочной, словно с морем у неё были свои непонятные ему отношения, в которые даже другу не полагалось доступа.

Ощувив, что замёрзла, Арина перевернулась на живот и поплыла к берегу. Выйдя из воды, она почувствовала: всё тело покрылось мурашками. Прохладный ветерок обнял её за плечи, толкнул в спину, коснулся тонких рук и ног. Саша смотрел, как она, продрогнув, бредёт к нему, чуть загребая носками ног песок, быстро вытащил из рюкзака махровое полотенце.

– Скорее снимай мокрое бельё, – скомандовал он. – Именно из-за долгого нахождения в мокрых вещах заболевают женщины. Им рекомендуется сразу же переодевать купальник.

Арина фыркнула.

– Ты уже разговариваешь как врач, как взрослый. Нет у меня купальника, только майка и трусы.

– А они что, не вещи? Чего ты майку напялила? В прошлом году лишь в трусах купалась.

Арина смутилась. Саша иногда бывал невыносимо прямолинейным. В восемь лет, решив, что он станет, как и его отец хирургом, начал готовиться к этой важной миссии. Принялся за детскую энциклопедию о строении человеческого тела, затем за два года проштудировал все школьные учебники биологии, потом взялся за отцовские книги. Сейчас Саша самостоятельно пытался разобраться с первым курсом мединститута. Он мог без запинки назвать любую косточку в человеке, знал симптомы многих болезней. Знания этого десятилетнего мальчика были хаотичны, но весьма обширны.

– Напялила потому, что я уже не маленькая. Держи лучше полотенце и закрой глаза, – недовольным тоном произнесла Арина. Сняв майку и трусики, надела сухое бельё.

– На что там смотреть, – ухмыльнулся Саша. – К тому же, ты мой друг.

Уголок его губ дёрнулся, он вспомнил, что чуть не засмеялся, когда Арина, сбросив футболку и джинсы, осталась в тонкой девчачьей маечке и трусиках в горошек. Обычно она прикрывала лишь низ. По его мнению, стоило и дальше так делать, пока её тело не сильно отличалось от мальчишеского, розовые кружочки сосков походили на его собственные, и майка ей пока не требовалась. В прошлом году он вполне успешно считал позвонки и ребра на её худеньком теле, касаясь пальцем, называл, какие косточки расположены под мышцами и кожей. Арина служила живой натурой, ей он рассказывал всё интересное и новое, что удалось узнать. Она была благодарной слушательницей, с круглыми от ужаса глазами внимала повествованию о жутких паразитах, опухолях и вирусах, иногда живущих внутри человека. Отец Саши поощрял увлечение сына к медицине, мечтал, что тот пойдёт по его стопам. Медицинские случаи обсуждались в семье Фламер, как самые увлекательные и детективные истории, что, впрочем, так и было. Отец Саши относился к болезням своих пациентов, как к распутиванию загадок их тел, и радовался, когда удавалось полностью победить коварного врага. Этим он увлёк и сына. Тот от природы, обладая живым воображением, тоже собирался вступить в схватку с недугами и хворями. Незаметно для себя по мере изучения строения и функций тела, мальчик перенял у родителей чуть циничное отношение к жизни, отвергающее любое ханжество. Саша казался странным для десятилетнего мальчика, и с этим уже ничего нельзя было поделать. Вот и сейчас в ожидании пока Арина переоденется, он заявил:

– Я думаю, что ты отстаёшь в физическом развитии от сверстниц. Надо у папы спросить, какие лекарства нужны тебе? В нашем возрасте уже проявляются первичные половые признаки. А у тебя их нет. Ты лишь подросла и всё. Вот посмотри, у меня уже появились.

Арина хоть и привыкла к неожиданным высказываниям Саши, всё же непроизвольно покраснела, когда он задрал руку и показал редкие светлые волосы под мышкой.

– А у тебя ничего нет.

Арина поняла, что он обратил внимание на её подмышки, когда она снимала майку и натягивала футболку. Она покраснела ещё сильнее, подумав, на что ещё он мог смотреть.

– Прекрати меня изучать – это неприятно и неловко.

Саша свернул полотенце, подал Арине. Та, упаковав в пакет мокрые вещи, отправила и пакет, и полотенце в рюкзак.

– Что тут неловкого? Процесс взросления самое естественное состояние человека. Значит, когда загружаешь организм топливом это нормально? Когда выделяешь отходы, тоже нормально. А вот говорить о взрослении стыдно. Что за глупость! – возмутился Саша.

Арина хихикнула и запнулась.

– Загружать топливо в организм – это ты про еду? А выделять – про какашки?

– Фу, как не научно. Мы почти не отличаемся от машин. Им требуется топливо и масло, нам еда и жидкости, Саша коснулся сооружения на макушке Арины и совсем другим тоном произнёс: – Ты намочила косы, высуши их на солнце.

Арина улыбнулась: знала, ему нравится смотреть на её распущенные волосы. Год назад, ныряя, она нацепляла на голову водоросли, пришлось расплести косы. Пока они свисали мокрыми тёмными прядями, Саша спокойно помогал выбирать тёмно-зелёные нити водорослей, но когда волосы высохли и флагом затрепетали на ветру, восхитился.

– Как красиво! Ты похожа ни русалку из сказки, – Саша провел рукой по пышной гриве, нагретой солнцем, запустил пальцы в шелковистые пряди.

– Они тёплые и блестят, – он втянул в себя запах, исходящий от головы Арины. – Ты пахнешь ветром и морем. Можешь встать? Ну, пожалуйста, пожалуйста, сделай это.

Арина послушалась и поднялась с песка. Волосы золотисто-кофейным плащом укрыли её тело до ягодиц.

– Какие длинные! А как ты их моешь?

– Так и мою, – хмыкнула Арина и привычными движениями стала заплетать косы.

С того момента Саша изредка стал просить распустить волосы. Это было его единственной слабостью по отношению к подруге детства, в остальном он относился к ней как к мальчишке: на равных. Арина вынула шпильки.

– Можно, я сам расплету, – попросил Саша.

Арина кивнула. Он устроился за её спиной и стал освобождать шлейф волос из плена кос. Вскоре влажные, тяжёлые, волнистые пряди, упали на спину девочке. Саша стал задумчиво водить расчёской по живому покрывалу из волос.

– Ты знала, что наши предки старались не обрезать волосы, считали: в них заключается жизненная сила? – Он провёл ладонью по шелковистым прядям. – Красиво. – Тряхнув головой, уже иным тоном продолжил: – Выдумки непросвещённых людей. Волосы – просто производное эпидермиса кожных покровов. Они состоят на семьдесят девять процентов из белка керамины, на пятнадцать процентов из воды, остальное липиды. У животных шерсть, у нас волосы. Природа создала волосы для защиты от холода и ещё, наверно, от травм.

Арина фыркнула и отобрала у него расчёску. Саша сел рядом и посмотрел на море.

– Ты открыла купальный сезон.

– Да. Я соскучилась по воде.

– Но ты же плавала в бассейне

– Там неживая вода, – Арина покачала головой. – Даже плавать скучно.

– Это из-за того, что хлорка убила бактерии и вирусы?

– Опять ты за своё. Не люблю бассейн не из-за хлорки, просто в той воде нет души.

Саша покосился на волосы Арины, они подсыхали и начали птицами подниматься по ветру. Он коснулся их пальцами, снова ощутил нежную шелковистость, отчего-то сердце в груди забило сильнее, перехватило горло. Он постучал себя кулаком по груди.

– Заболел я что ли?

– Да ты по три раза на год болеешь, – покосилась на него Арина. – Пора идти.

Ей не хотелось возвращаться домой в неуютную квартиру, к родителям, которые или не замечали, что радовало, или цеплялись по любому поводу. Казалось, она раздражала отца одним своим присутствием, но хотя бы знала, чего от него ожидать. А вот мать была непредсказуемой: в одну минуту могла обнимать её, жаловаться на жизнь и плакать, в другую истерично ругать за малейшую провинность и даже ударить. Арина давно научилась существовать в ненормальных условиях, приспособилась к ним и не жаловалась, понимая, что от этого не будет никакого толку. Маленькой она мечтала о другой семье, воображала иных родителей, потом перестала. Она решила, когда вырастет, создаст себе такую жизнь, какую захочет, а пока надо выживать, как сказала бабушка Маша. При воспоминании о Марии Алексеевне на глаза девочки навернулись слёзы.

Прошло полгода как умерла добрая, пусть и неродная бабушка, ставшая таким же главным человеком в её жизни, как и Саша Фламер. Арине она часто снилась, будто продолжала поддерживать её из того далёкого мира, куда уходят все. Ради её памяти Арина дала себе слово не сдаваться. Бабушка многому её научила, поэтому она обязательно справится. Первое время Арина не могла проходить мимо двери квартиры Марии Алексеевны, чтобы не разрыдаться. Через месяц она пробегала, чуть всхлипывая, ещё через два научилась удерживать слезы, через три остался лишь ком в горле, но с ним она пока ничего не могла поделать. Подруга бабушки говорила, что время поможет, и она верила в это. Полина Ярославовна просила Арину приходить к ней, но девочка наотрез отказалась.

– Больше не хочу ни к кому привыкать. Вы старая... вдруг тоже умрёте.

Полина Ярославовна только вздохнула.

– Если будет трудно, вспомни о моих словах и приходи, я всегда помогу. Маша желала, чтобы я заботилась о тебе. Не хочу подвести подругу, она любила тебя, как родную внучку.

Арина уклонилась от руки Полины Ярославовны, когда та захотела обнять её, она не могла позволить себе сродниться с кем-то ещё. Это так больно терять человека, ставшего близким, больше она никого не хотела лишаться. К тому же у неё есть друг Саша Фламер, она не одна на этом свете.

Арина навсегда запомнила то тёмное ноябрьское утро. Накануне отец праздновал свой выход на пенсию. Родители так радовались новому источнику доходов, что расщедрились и купили не только выпивку, но и торт. Отец находился в благодушном настроении, сам разрезал торт, протянул дочери щербатую тарелку с куском лакомства и стакан газировки.

– Вот так-то, доча, теперь я на заслуженном отдыхе. Мать через семь месяцев тоже свою пайку от государства получит – заживём, как короли.

Елена Назаровна наполнила стакан пивом, сдула пену, смачно отхлебнула почти половину.

– Точно. Заживём. И горбатиться, подметая дворы, больше не надо, – она бросила взгляд на дочь, уплетающую торт. – Ешь, кто ещё как не родители купят. Помни, мы поили, кормили тебя, в старости ты нас кормить будешь. От сыночков вряд ли помощи дождёмся. Один в тюрюгу по глупости загремел, второй от нас отказался. Просила у Юрки денег, так он сволочь не дал. Говорит: нету. А сам как с картинки одет. Жмотяра твой сынок, – толкнула она мужа в плечо.

Тот поднял мутные глаза, сфокусировал их на жене.

– Он и твой тоже. Это ты его плохо воспитала. Я говорил: парню надо ремня чаще давать. Ты и своего Димку грудью защищала. И где теперь он?

Мать стукнула кулаком по липкой от разлитого пива клеёнке, так что зазвенели стаканы. Арина сморщилась, даже аромат ванили от крема на торте не забивал кислый, тошнотворный, ненавистный ей запах спиртного.

– Не трогай Диму, ему девка голову вскружила, а так он умный и хороший мальчик. – Елена Назаровна угрюмо уставилась в одутловатое лицо мужа.

Арина не совсем поняла, почему Юрия отец считает общим ребёнком, а Дмитрия лишь маминым?

– Почему Дима мамин? А я тогда чья?

Николай Ильич икнул, сердито уставился на дочь.

– Не мой Димка, не мой. А ты вообще ненужный последыш, – он пьяно захихикал: – ошибка природы. – Погрозив жене пальцем, добавил: – Она, идиотка, поняла, что беременна лишь к семи месяцам. – Покосившись на Арину, буркнул: – Аборт поздно было делать. Вот ты и появилась.

– Заткнись, дурак! – прикрикнула Елена Назаровна на мужа. – Пусть мы не обрадовались твоему появлению, доча, но ведь потом холили и лелеяли.

Арина нахмурилась, вот значит как – она ошибка природы, ненужный ребёнок, но удивительно от этого ей стало легче. Она считала себя неправильным человеком, раз не испытывала любви ни к отцу, ни к матери. Первыми чувствами, возникающими у неё, когда она вспоминала родителей, были: досада, раздражение и недовольство. А раз она лишняя в семье – больше не стоит себя корить за отсутствие нормальных чувств. Это до семи лет она искала любви и ласки, расстраивалась и плакала, но за последние два с половиной года отучилась от этого. Доев торт, Арина ушла к себе в комнату, здесь она чувствовала себя хозяйкой. Брат в редкие посещения, заметив, на какой ужасной кровати она спит, сменил обстановку в комнате. Пусть он приобрёл самую дешёвую мебель: кровать, шкаф и письменный стол, главное, они новые. Бабушка Маша подарила ей прикроватный коврик и шторы, комната сразу приобрела уютный жилой вид. В тот вечер родители долго ссорились и поздно улеглись спать. Утром Арина встала с тяжёлой головой и плохо выспавшаяся. Быстро умывшись и почистив зубы, спустилась к квартире бабушки Маши. Она не пропускала ни одного дня, чтобы не поприветствовать своего пожилого друга,

иногда забегала к ней на пять минут, иногда на большее время. Но на этот раз на звонок никто не ответил. Арина постучала в дверь – тишина. Сердце пропустило удар, девочка снова нажала на кнопку звонка.

«Может, бабушки нет дома?»

Но раньше она не уходила, не предупредив заранее. Арина, не замечая дрожи, охватившей тело, слёз, текущих по щекам, продолжала барабаниТЬ в дверь.

– Хулиганка! Чего стучишь? Весь подъезд на ноги подняла! – заспанная женщина с расчёпанными волосами высунула голову из-за соседней двери. – Только легла спать после ночной смены. Раз Мария Алексеевна не открывает, значит ушла.

– Нет, – упавшим голосом произнесла Арина. – Она там. Я чувствую.

– Чёрт! Ты ненормальная что ли? Вали отсюда, дай покою людям, – женщина с силой захлопнула дверь.

Арина без сил опустилась на холодный кафель у двери.

– Ты чего тут сидишь? Разве тебе не пора в школу? – поинтересовался знакомый мужчина с третьего этажа. Сбегая по ступенькам, он едва не задел ноги девочки.

– С бабушкой что-то случилось. Она не открывает, – прошептала Арина онемевшими губами.

– Уверена? У тебя есть ключи?

«Ключи! – промелькнуло в голове девочки, – ключи имеются у Полины Ярославовны».

– Сейчас позову другую бабушку, она откроет, – Арина сорвалась с места и помчалась к подруге бабушки Маши.

Услышав от Арины сумбурное объяснение, Полина Ярославовна поспешила вниз. Тревога девочки передалась и ей, она не сразу справилась с замком. Едва дверь распахнулась, Арина побежала внутрь. Бабушку Машу она нашла лежащей на диване перед тихо работающим телевизором. Девочка наклонилась и замерла: бабушка смотрела на неё остановившимся взглядом, в котором не было ничего кроме безмерной пустоты. Ещё не осознавая случившегося, Арина, коснувшись сначала руки Марии Алексеевны, потом лба. Жуткий холод ожёг пальцы девочки и пополз к самому сердцу. Никогда в жизни она не ощущала такого убийственно страшного холода. Её маленькая душа потрясенно вздрогнула, сразу осознав, что произошло. На диване лежало лишь тело, пустая оболочка. Бабушка Маша ушла, покинула её. Арина отдернула руку, сделала шаг назад.

– Ох, Маша! – подскочила к подруге Полина Ярославовна. – Что же ты не позвонила мне или в «Скорую». – Повернувшись к Арине и увидев смертельную бледность на лице девочки, покачала головой. – Не нужно тебе здесь находиться, иди домой или в школу. Маша болела... со стариками такое случается... – она осторожно под руки вывела девочку из квартиры, чуть подтолкнула в спину. – Иди.

Арина непонимающим взглядом посмотрела на Полину Ярославовну. Та не выдержала и прижала девочку к себе.

– Для всех нас это большая потеря. Поплачь, поплачь, легче станет.

Арина вырвалась из её объятий и побежала на улицу. Полина Ярославовна пожала плечами и стала звонить в «Скорую», затем сообщила о произошедшем дочери Марии Алексеевны. Арина, не помня себя, мчалась к Высокому берегу. Ей хотелось скрыться от всех. В груди образовалась дыра и в ней, как на улице выл холодный ноябрьский ветер. Царапая ладони и обдирая колени, Арина быстро спустилась в своё убежище. Там она долго плакала, пока не утомилась и не обессилила. Тогда укутавшись в плед, придвинулась к выходу и стала смотреть на море. Серое небо, затянутое рваными чёрными тучами, на горизонте сливалось с такой же серой массой воды – казалось, во всём мире осталось лишь море. Арина долго смотрела вдаль, время от времени сглатывая слёзы. Она не представляла, как теперь будет жить без бабушки Маши. Два с половиной года та поддерживала во всём, дарила её обездоленной душе любовь

и ласку. Было страшно остаться без помощи умного и доброго друга. Арина не заметила, как задремала. Проснулась от холода, проникшего даже под кожу. Стуча зубами, сбросила плед, помахала руками. Из рта вырвался пар. Пока она спала, сильно похолодало. С потемневшего неба сыпался мелкий снег, края убежища обледенели. Арина поняла, что ни спуститься, ни подняться не сможет, тропинка спряталась под тонкой коркой льда.

Саша заволновался, когда Арина не появилась в школе, такое случилось всего два раза за всё время учёбы. Один раз она заболела, в другой – не пустил отец. Арина не стала объяснять, почему тот запретил идти в школу, просто сказала это Саше и всё. Она вообще не любила разговоров о её семье, поэтому он почти ничего не знал о ней. Как-то сгорая от любопытства, попытался расспросить – Арина нахмурилась и, став серьёзной, ответила:

– Мои родители не такие, как твои. Иногда они ведут себя неправильно. Но ведь ты дружишь со мной, не с ними, давай больше не будем о них говорить. Я живу нормально. Бабушка Маша мне помогает и у меня есть ты – мой лучший друг.

У Саши потеплело на душе от слов обычно сдержанной в эмоциях Арины. Действительно, какая разница, что там за родители у неё. Он догадывался кое о чём. Садовская ещё в первом классе просветила:

– Родители у Рудаковой алкаши и живут, как бомжи. Мама потребовала: никакого общения с ней, никакой дружбы с отбросами.

Саша возмутился, но Нина лишь с презрением посмотрела на него.

– Мама объяснила: некоторые дети не умеют выбирать друзей. Ты точно не умеешь.

С той поры троица: Садовская, Вершинина и Величко полностью игнорировали Арину, другие ребята первое время из-за её внешности тоже относились настороженно. Но когда лицо Арины очистилось от болячек, выяснилось: она вполне симпатичная девочка, с ней стали поне-многу общаться. Правда, она сама была не слишком дружелюбна с одноклассниками, всегда сохраняла невидимую дистанцию.

Саша, еле дождавшись окончания уроков, сразу помчался к дому, где жила Арина. Бабушка Маша должна знать, что с ней случилось. Пожилая дама нравилась ему, она и его не раз угощала чаем с вкусными пирожками. Нетерпеливо притоптывая на месте, он нажал на кнопку звонка. Ничего. В ответ ни звука. Открылась дверь соседней квартиры. Низенький, пузатый мужчина лет сорока, вышел на порог. Провёл пухлой ладошкой по сверкающей лысине, низким голосом произнёс:

– Там никого нет. Мария Алексеевна умерла. Её в морг увезли.

Саша занервничал: а как же Арина? Где она сейчас?

– Вы знаете, в какой квартире живёт девочка, что часто сюда приходила?

Мужчина улыбнулся, показав крупные жёлтые зубы.

– Аринка что ли? Да кто же не знает Рудаковых, всему подъезду покой от них нет. Квартира сорок четыре на пятом этаже.

– Спасибо.

– Не за что. Утром девочка была сама не своя, очень расстроилась...

Саша, не дослушав мужчину, бросился по ступенькам наверх. У квартиры под номером сорок четыре замешкался. Обычную дверь, обитую потрескавшимся коричневым дерматином, украшали новые блестящие гвоздики с большими головками. Видимо, их забили, чтобы дерматин не отвалился с дверного полотна. На трель звонка никто не отреагировал. Саша повернул ручку, дверь с противным скрипом отворилась. В полупустом коридорчике на вешалке висела пара болоньевых курток и старое пальто. Из комнаты доносились звуки работающего телевизора. Саша осторожно продвинулся вперёд – на диване спал неприглядного вида худой мужчина в грязной футболке и тренировочных штанах, за столом, уставившись в экран телевизора, сидела лохматая женщина, похожая на кикимору, каких обычно рисуют в детских мультиках.

Всё в её лице, виденном в профиль, было острым: нос, подбородок и скулы. Поведя костлявым плечом, она медленно повернула голову в сторону гостя, бросила на него тяжёлый взгляд.

– Ты кто?

Саша сглотнул слюну, поёжился от неприятного взгляда. В комнате стоял тяжёлый спёртый запах от сигарет, спиртного и прокисшей пищи.

– Я одноклассник Арины, позовите её, пожалуйста.

Тонкий палец с обломанным ногтём показал на дверь комнаты.

– Там. Дрыхнет небось. Не дозваться засранку. Совсем загордилась, родителей за людей не считает. Ты, малец, скажи ей, что так нельзя.

Саша с некоторой робостью открыл дверь в комнату Арины. В ней было светло и чисто. На письменном столе царил идеальный порядок: книги и тетради по линейке стояли на полках, в стаканчике, украшенном ракушками, поместились безукоризненно отточенные карандаши. Узкая кровать застелена по струночке, ни единой складки на покрывале. Саша заглянул даже не в небольшой шкаф, чтобы убедиться, Арины и здесь нет.

Женщина, сидящая за столом,ковырялась в тарелке, пытаясь подцепить тонкий ломтик сала.

– Арины нет в комнате.

– Глянь на кухню, может суп себе варит – буркнула Елена Назаровна и добавила: – Себя-то она не забывает, а вот о родителях не помнит. – Повысив голос, процедила: – Воспитала на свою голову эгоистку.

Саша покосился на пьяную женщину и отправился осматривать кухню и вторую комнату. Арина нигде не отыскалась. Он заметил: если не считать беспорядка на столе, в квартире довольно чисто, хоть и ужасающе бедно. На окнах, кроме тех, что в комнате Арины, не имелось штор, на давно не крашенном деревянном полу ни единого коврика.

– Куда могла пойти Арина?

– Чего ты прицепился ко мне, как банный лист. Небось к бабке Машке лыжи наострила. Явится, получит у меня по первое число, – ответила Елена Назаровна, позёвывая. – А ты чего тут шастаешь? Пошёл вон отсюда!

Она уже явно забыла, кто он и что здесь делает. Саша вышел из квартиры, захлопнул дверь. У Арины нет телефона, позвонить не получится. Куда она делась? Саша, вспомнив, что бабушка Маша умерла, встревожился. Арина точно это узнала и не нашла в себе силы прийти в школу. Сейчас она где-то в одиночестве переживает своё горе. Он ещё никогда не соприкасался со смертью, единственным горем для него пока была лишь смерть Джойса, старый пёс не мучился и умер во сне. Отец сказал:

– Джойс прожил хорошую жизнь, и умирал красиво, угасал, будто свеча на ветру, тихо и спокойно. Поэтому не надо рыдать над ним. Наш пёс точно попал в собачий рай.

Тогда он горько плакал, хотя это была лишь гибель собаки, Арина же потеряла близкого человека, ей во сто крат хуже.

В раздумьях он не заметил, что далеко отошёл от дома Арины. Под ногами в слюдяных лужицах ломался лёд, холодный ветер швырял в лицо колкие крупинки снега. Ещё утром было до плюс десяти, но после обеда температура резко снизилась и сильно похолодало. Такие перепады температуры обычное дело для Анапы, завтра могло так же быстро потеплеть.

«Где же она бродит?» – заволновался Саша.

Он знал, что такое терять друзей. С ясельной группы в детском саду он дружил с братьями близнецами Олегом и Марком. Ребята жили по соседству, их троица стала неразлучной. Вместе играли, время от времени ночевали друг у друга, даже увлечения были одинаковыми. Они собирались пойти в один класс, но когда до начала учёбы оставался месяц, отца близнецов перевели в другой город. Расставание стало неожиданностью для мальчишек, они плакали и клялись в вечной дружбе. Родители лишь вздыхали, глядя на переживания ребят, уверяли: всё

пройдёт, скоро они найдут новых друзей. Убеждали: в детстве расставание даётся легко. Родители не подумали, что детское горе такое же настоящее и острое, как и у взрослых. Сашины папа и мама тоже не отнеслись серьёзно к его переживаниям, они не догадывались, что его крохотное сердце разрывается от боли, что на нём появились шрамы. Защищаясь от боли и неожиданной потери друзей, Саша загнал свои чувства далеко в глубь души, спрятал за семью замками. Это неосознанно стало формировать его характер, привычки и нрав.

Жаль, но мы взрослые часто смотрим свысока на привязанности и чувства своих чад. Они же ещё растут, меняются. Стоит ли серьёзно относиться к детской дружбе? Нам кажется, дети всё быстро забывают, перерастают свои увлечения. Мы не ценим и не считаем их чувства настоящими, думаем, что они игрушечные, легковесные, а их эмоции незрелые и глупые. Но по накалу и силе чувства ребёнка сильнее и острее, чем у взрослых, успевших нарастить защитный панцирь. Ребёнок беззащитен перед горем разлуки, ему кажется, он лишается друга навсегда. Время и расстояние для маленького человека – это монстры, пожирающие тепло, любовь и дружбу.

Саша остро испытывал чувство одиночества, сильно переживал потерю друзей, его не утешали ни новые игрушки, ни то, что он скоро станет первоклассником. Такую же тоску и одиночество он увидел в глазах девочки, с которой никто не захотел сесть за один стол в школе. Его сердце сжалось от сострадания к некрасивой, жалкой однокласснице. Саша не ожидал, что взяв под защиту и покровительство Арину, обретёт нового друга, который заменит ему братьев близнецов. Теперь он вспоминал друзей без слёз и печали. Арина оказалась интересным человеком, полным тайн и загадок, с ней он никогда не скучал.

Саша поскользнулся на льду и чуть не упал. Его внезапно осенило.

«Убежище! Точно! Она отправилась в убежище. Арина сама говорила, когда ей плохо, всегда уходит туда».

Он понял: Арина спустилась в крохотный грот, когда ещё было тепло. Но сейчас вряд ли сможет выбраться оттуда самостоятельно. Саша развернулся и побежал к Высокому берегу, чтобы подтвердить свою догадку. Он мчался по хрустким замёрзшим лужицам, с неба всё сильнее сыпалась снежная крупа. Ветер, дующий с моря, бросал её в лицо, обжигая кожу. Прохождение, видевшие встревоженное лицо мальчика, нервно оглядывались и начинали звонить своим детям. На Высоком берегу ветер дул сильнее, Саша нагнулся над местом спуска в грот и закричал изо всех сил.

– Арина, ты здесь!

Ветер относил его отчаянный крик с моря в город, ему пришлось звать Арину десять минут, прежде чем он услышал ответный крик.

– Да-а-а-а!

Саша лег на самый край обрыва, опустил голову вниз и, сложив ладони рупором, крикнул:

– Я пойду за помощью. Держись. Скоро вернусь.

Саша поднялся на ноги и помчался в больницу к отцу, совершенно забыв, что быстрее туда добраться на автобусе или маршрутке, он просто не смог бы спокойно стоять в транспорте. Благо Анапа небольшая и город можно пробежать из конца в конец за час. Саша сократил путь, петляя дворами.

Отца отыскал в кабинете, тот к счастью не был занят в операционной.

Рем Карлович сухощавый стройный мужчина типично арийской немецкой внешности: светловолосый и голубоглазый, окинул сына холодным взглядом.

– Что случилось? Почему ты здесь?

– Папа, Арина замерзает в гроте на Высоком берегу, там всё обледенело и она не может выбраться наверх.

В глазах Рема Карловича промелькнула тревога.

– Почему твоя подружка там оказалась и что это за грот?

Саша в нетерпении притопнул на месте.

– Арина узнала, что бабушка Маша умерла и, наверно, сильно расстроилась... она всегда там прячется, когда ей плохо.

Рем Карлович снял халат, повесил в шкаф, набросил куртку, повернулся к сыну.

– Соберись! И объясни спокойно.

Саша глубоко вдохнул и заговорил медленнее.

– Грот отыскала Арина. Вернее там маленькая пещера – тайное место. Когда она спустилась, было ещё тепло. Я не знаю, почему не поднялась вовремя. Папа, её надо спасти. Пожалуйста!

Рем Карлович набрал номер на телефоне.

– Ваня, возьми снаряжение, надо поднять девочку из пещеры на Высоком берегу... Да, оказывается там есть пещеры, скорее всего это просто выемка в скале, – бросив взгляд на сына, поинтересовался у него: – Где это?

Саша быстро ответил:

– Напротив нового храма, микрорайон три А.

– Ваня, ты слышал? Сейчас подъедем к тебе. Будь готов.

Рем Карлович предупредил дежурную медсестру, что уйдёт на пару часов. Через двадцать минут они уже находились у Ивана. Тот вышел с рюкзаком и сумкой.

– Как давно девочка находится в пещере?

Саша прикусил губу, ему ужасно хотелось плакать, он переживал за Арину, представляя, как она дрожит на холоде и в одиночестве.

– Сын, а ну быстро взял себя в руки: ты же мужчина. Спасём мы твою непутёвую подружку.

Саша вздохнул.

– Арина не пришла в школу, она, наверно, там с утра.

– Ладно, поехали, – Иван забросил сумку и рюкзак в багажник.

Рем Карлович как можно ближе подъехал к месту, указанному сыном. Как только троица выбралась из машины, ветер, бросая колкую снежную крупу в лицо, сразу накинулся на них. Иван, обмотав ствол старой облезлой сосны альпинистской верёвкой, надел на ботинки кошки⁶

⁶ Кошки – альпинистское снаряжение, которое широко применяется при необходимости передвижения по ледовым и снежным склонам. Зубья большинства современных кошек располагаются по краю альпинистских ботинок на нескольких разных уровнях. Подобное строение исключает вероятность соскальзывания ноги с уступов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.